Метро 2033: Зима милосердия

Автор:
Андрей Лисьев

Метро 2033: Зима милосердия

Андрей Лисьев

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Сталкер Женя известен способностью избавлять больных животных от мучений ударом милосердия. Это помогает юноше в его странствиях по разрушенной Москве, но пугает окружающих. Евгений сеет за собой ужас. Но герою нужно совершить путешествие, чтобы спасти своего дедушку от неверного приговора. Новые друзья и враги, новые обстоятельства, которые мешают двигаться к главной цели, ответственность за принятые решения все растет…

Не нанесет ли судьба удар милосердия ему самому?

Андрей Лисьев

Метро 2033

Зима милосердия

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление обложки – Михаил Пантелеев

Карта – Леонид Добкач

© Д. А. Глуховский, 2019

© А. В. Лисьев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

С

Объяснительная записка

Вадима Чекунова

Ну что, друзья, вот и добрались мы до заветного числа наших книг во «Вселенной Метро 2033». Некоторые, быть может, удивятся – что за название нынешней объяснительной такое странное. Но это всего лишь римская буква, первая в слове «centum», что на латыни означает «сто».

Нумерология утверждает, что число 100 характеризуется накоплением энергии, балансирует между застоем и переломным моментом, побуждением к действию. Некоторые видят в 100 затишье, после которого начинается буря и возрождение. В сотне, как считают другие, заключено духовное путешествие.

Можно назвать нумерологию сомнительной дисциплиной, но, черт побери, ведь невозможно отрицать влияние чисел на нашу жизнь. В Китае, где мне довелось провести достаточно долгое время, вообще крайне внимательно относятся к числам. Например, 6 для китайца это удача (поэтому число 666 вовсе не сатанинское, а наоборот), 8 – символизирует богатство. А вот 4 не пользуется любовью, потому что созвучно слову «смерть». Доходит до забавных казусов – если ваш номер телефона содержит несколько четверок, некоторые люди могут отказаться записывать его в свой телефон, чтобы не навлечь на себя беду. Ну а 100 все китайцы любят просто потому, что это их самая крупная денежная купюра. Хотя и сотенные долларовые банкноты они тоже уважают, как и мы.

У каждого из нас наверняка что-то связано с сотней. От веры в принципы «не имей ста рублей, а имей сто друзей» и «лучше раз увидеть, чем сто раз услышать» до стремления жить хорошо и долго (помните: «лет до ста расти нам без старости»). А у кого-то и вообще жизнь в стиле «сто бед, один ответ», и такое бывает.

Но сотня, на мой взгляд, лучше всего выражает завершенность и начало нового. Это своеобразная веха, окончание старого периода, остановка перед новыми испытаниями, свершениями, трудностями, опасностями, вызовами судьбы.

Книге Андрея Лисьева «Зима милосердия» довелось стать юбилейной, сотой. Новичкам вообще везет, и наша Вселенная тут не исключение.

Действие происходит снова в Москве – в этом тоже есть некая символичность, не правда ли? Главные жизненные вопросы, встающие перед героем – как отличить правду от лжи, и где граница между добром и злом. А поиски ответов придется проводить не в уединенных размышлениях, а на бегу и среди настоящего ада. Но за труды праведные ведь должно воздаваться сторицей (вот и опять число 100 тут как тут).

Посмотрим, как оно выйдет у героя в итоге.

Пролог

Подполковник в полевой форме медленно расхаживал по кабинету, уже минут десять разминая пальцами сигарету. Он никогда не курил в кабинете, но сегодня можно было поступиться правилами. Скоро ведь правил не будет. Вообще никаких. Только безумие. Простое, как табурет, порожденное человеческим разумом безумие.

Военные узнали о приближающейся катастрофе первыми. Четко, со знанием дела, выполнили все, что требовалось в подобной ситуации, и… тщательно скрывали друг от друга понимание того, что изменить уже ничего нельзя.

Направляясь к окну, подполковник взял с рабочего стола зажигалку. Закурил.

По асфальтированному расчерченному аккуратными белыми полосами плацу секретной базы метались подчиненные. Именно метались. На учениях в их движениях не было такой нервозности.

Бойцы спешно снимали с двух армейских грузовиков все специальное оборудование. Времени на то, чтобы относить его на склад, уже не было. Демонтированные отопительную и фильтро-вентиляционную установку просто положили на асфальт, отверстия от них тщательно заглушили. Жаль. ФВУ – полезная штука. Она еще ой как могла бы пригодиться, но… портативное устройство только называлось портативным. На самом деле оно было огромным и занимало слишком много места. Установка будет нужнее тем, кому удастся выжить.

Офицер отвернулся от окна, сел за стол. Для чего-то сложил папки и отдельные листы бумаги с фиолетовыми и красными штампами «Совершенно секретно» в аккуратную стопку. Выпустил струйку дыма в сторону молчавших телефонов.

Жене он позвонил. Сослался на неотложные дела. Поговорил с сыновьями. Сделал вид, что интересуется их отметками в школе. Вроде сделал все, что можно было сделать с помощью телефонной связи.

Офицер обвел взглядом помещение. Уютный кабинет. Все под рукой. Жаль расставаться.

Впрочем, кабинетов у подполковника было два. Один – в обычной воинской части, дислоцировавшейся неподалеку от метро «Баррикадная», и этот – основной, о существовании которого знали не все.

А несколько часов назад командование уже подыскало ему новый кабинет. Без окон. С толстыми, герметичными бронированными дверями. Свет там будет исключительно искусственный…

Эта мысль заставила подполковника вскочить. Он вновь подошел к окну, чтобы попрощаться с синим небом, ослепительно-ярким солнцем и зеленью травы.

На глаза попался кончик сигареты. Серый, с тлеющим внутри оранжевым шариком. Подходящие, пророческие цвета. Так скоро будет выглядеть…

Дверь распахнулась. Хозяин кабинета обернулся. На пороге стоял старлей. Совсем молоденький. Розовощекий симпатяга, который наверняка начал бриться всего год назад, в тщательно пригнанной, тоже полевой форме. Аккуратист. Наверное, собирается сделать карьеру и с нетерпением дожидается того, что должно вот-вот произойти. Расценивает это как серьезное испытание. Возможность отличиться, выдвинуться. Попасться на глаза начальству и прикрепить к погону четвертую звездочку. Эх, старлей, старлей… Для того, чтобы стать капитаном, тебе понадобится огромный запас везения и удачи.

А впрочем, может случиться так, что командовать окажется некому, и карьерная лестница от старшего лейтенанта до генералиссимуса станет предельно короткой.

– Товарищ подполковник! Разрешите доло…

– Да потише ты. Совсем оглушил. Докладывай.

– Ваш приказ выполнен. Все загружено.

– Видел. Молодцы, – подполковник надел фуражку. – Отбываем. С Богом!

Он вышел в коридор вслед за старлеем. Взглянул на наручные часы. Уложились. До часа «икс» время еще оставалось. Можно было сказать, что его полно. Если, конечно, принять за единицы измерения минуты и секунды… Подполковник не спеша спускался по лестнице, рассматривая выкрашенные в унылый зеленый цвет стены, плакаты с предостережениями, напоминаниями и образцами. Раньше он и подумать не мог, что расставаться с этой порядком осточертевшей войсковой атрибутикой будет так тяжело.

На первом этаже, где обычно сновали рассыльные-посыльные, было непривычно тихо. Второй приметой того, что все уже начало бесповоротно меняться, было отсутствие дневального у знамени части. Солдат стоял у входной двери, расставив руки и упершись ладонями в косяк. Наблюдал за тем, как два покрытых камуфляжными пятнами грузовика трогаются с места и едут в направлении ворот КПП.

Услышав шаги, обернулся, смутился.

– Товарищ подполковник…

В иной ситуации следовало бы отругать веснушчатого паренька с наивными василькового цвета глазами. Наказать его нарядом вне очереди или парой суток гауптвахты. Парой суток…

Подполковник грустно улыбнулся, чем окончательно выбил землю из-под ног юного нарушителя с одной лычкой на погонах.

– Ничего страшного, сынок. Ничего страшного, товарищ ефрейтор.

Офицер вышел из здания, остановился на крыльце, чтобы набрать полную грудь воздуха и подставить лицо под солнечные лучи.

Ничего страшного. Пока. Конфликт лишь перешел в последнюю стадию. Стал необратимым, но пальцы его главных участников еще не коснулись красных кнопок. Скорее бы. Ожидание начинало тяготить.

Подполковник пересек плац и забрался в кабину второго грузовика – в первом сидел старлей.

Какое-то время машины двигались по узкой обсаженной тополями улице. Потом свернули на оживленную автостраду. Тут зазвонил сотовый телефон. Подполковник поднес его к уху. Лицо его напряглось.

– Понял. Так точно. Есть!

Он велел водителю увеличить скорость и не обращать внимания на соблюдение правил дорожного движения. Все началось раньше, чем предполагалось, и Москва почти мгновенно отреагировала на ЭТО.

Вот какой-то «фольксваген», набрав запредельную скорость, вылетел на встречную полосу, где лоб в лоб столкнулся с «маздой». Вокруг места аварии сразу начался сумбур. Кто-то тормозил, кто-то пытался объехать возникшую пробку. Прохожие на тротуарах тоже заволновались. Одни ускорили шаг, другие побежали.

Два грузовика продолжали свой путь, рассекая всеобщий хаос, как ледоколы.

Подполковник набрал чей-то номер и сквозь треск статических помех отдал приказ. Играть в конспирацию больше не имело смысла. Информация так или иначе просочилась. Гриф «совершенно секретно» больше не работал.

Что-то невообразимое начало твориться у наземных вестибюлей метро. Люди пытались зайти внутрь, но не могли этого сделать – они наталкивались на тех, кто спешил выбраться наружу. Падали. Поднимались и снова падали.

Паника охватила всех. Аварии на дороге происходили все чаще, и в конце концов движение остановилось. Грузовикам лишь чудом, благодаря опыту водителей, удалось свернуть на боковую улицу.

Через несколько минут подполковник облегченно вздохнул – он увидел знакомый барельеф, изображавший трех мужчин. Конечная остановка. Наземный вестибюль станции «Баррикадная».

Часть первая

Дар

Глава 1

Все краски мира

– Да ладно те! Балотелли помнишь? Лучший итальянский форвард! Он один немецкую сборную, как Тузик грелку, порвал. Сколько он тогда забил? Два из трех? Все три?!

– Помню, помню, – ответил голос Деда, хриплый от нахлынувших воспоминаний. – Великолепный был матч…

Евгений лежал за стенкой жилой каморки, неподалеку от двух сидящих у костра стариков, притворялся спящим и слушал их разговор.

– Так что и один человек бывает в поле воин! – второй голос накатывал басовитым, начальственным задором, не стесняясь возможных слушателей.

Говорил начальник «Баррикадной», лысый мужик под два метра ростом, усы которого вопреки возрасту оставались темными и свисали до подбородка. Начальника за глаза фамильярно называли просто Сергеичем.

– Фигня! – отрезал Дед, в отличие от Сергеича щуплый, тщедушный, но тоже лысый. – Один человек не делает команду. Не заменит ее… Финал с испанцами помнишь небось?

Использование древних чудны?х словечек делало Деда забавным. Сергеич не ответил.

– Испанцы играли без звезд, а твой Балотелли ничего не смог! Вот что значит – слаженная команда. А у сталкеров особенно…

Женя напрягся и передумал «просыпаться». Разговор коснулся темы, тревожащей подростка. Ему, родившемуся в метро несколько лет спустя после Катастрофы, не было дела до звезд спорта, сгинувшего в той же черной дыре, что и весь мир.

– Максимыч, отдай пацана!

Дед замолчал. Послышался треск переворачиваемых дров.

– Это была мистическая неудача Марио, – начальник станции «сделал шаг назад», не позволяя собеседнику уйти в себя. – И эти неудачи потом не повторялись…

– Не повторялись… – Дед хмыкнул. – Просто в игре с немцами у Балотелли был кураж, а с испанцами – не было. Вдохновение? Откуда оно берется? И зачем оно сталкерам?

На философию Дед, видимо, «клюнул». Евгению страшно захотелось перевернуться на другой бок, но он опасался нарушить течение беседы. Ему надоели упреки Деда в неумении контролировать эмоции и желания. Поэтому парень терпел.

– «А почему крыса с кетчупом стоит в два раза дороже крысы без кетчупа?» – «А вы когда-нибудь пробовали крысу без кетчупа?»

Анекдот, рассказанный Сергеичем ни к селу ни к городу, не рассмешил Женю. Он не знал, что такое кетчуп, и не понимал, в чем тут соль. Да и сами жители

метро за столько лет мыканья под землей забыли его вкус.

– И что ты добавляешь в грибы, от чего мерзкий вкус жареной крысятины так чудесно меняется? Открыл бы секрет – стал бы богатым человеком!

– Не хочу! – ответил Дед. Его не интересовало богатство, к тому же солидарный с начальником станции Женя давно успел надоесть своему старику подобными коммерческими предложениями.

Сколько Евгений себя помнил, они с Дедом ютились здесь, в крошечной каморке, в углу между туннелем и станцией. Двумя другими стенами и крышей служили принесенные сталкерами с поверхности дверцы шкафа-купе. Туннель в сторону Улицы 1905 года считался безопасным. В нем не было ничего и никого, кроме крыс, и старик промышлял крысами. Женя не был ему родственником, Дед подобрал и выходил младенца. Так и жили: один старел, а второй, наоборот, становился все ловчее и проворнее.

Аромат дедовой приправы достиг каморки, и в животе у парня громко заурчало. Он испугался, что его услышат, и открыл глаза.

Перед глазами была стенка шкафа, старательно исцарапанная его же собственными ногтями. В далеком детстве, не желая спать днем, он садился на общей с Дедом лежанке и выцарапывал плохо остриженными ногтями понятные ему одному картины.

Смысла этих рисунков Женя уже не помнил – он вырос. Теперь у него была не стена, а Стена. На другом конце станции. Далеко! Жене нравилось туда ходить – через всю длинную платформу, мимо жилья, казавшегося бесконечным. И вот там, почти в самом конце станции, неподалеку от блокпоста с вечными часовыми, устремлялась ввысь, под темные своды невидимого потолка его Стена.

Когда-то тут шел бой. Евгений не знал когда, – об этом ему не говорили, да он и не спрашивал. Стена хранила следы пуль и осколков. Некоторые кирпичи были выбиты. Тени от света вечных костров плясали на этой стене, рисуя картины одна причудливее другой. Они будили фантазию мальчика, и Женя стоял перед стеной часами. За это сверстники дразнили его дурачком. Особенно усердствовали после того, как им в школе поручили придумать доклад «За что я

люблю свою станцию». Женя рассказал, что для него важна эта Стена, и получил «пару».

Два старика за стенкой чавкали так громко, что отвлекли парня от воспоминаний об обидах.

Сергеич заговорил первым:

– У нас тяжелое время. Потери среди сталкеров – почти четверть за вылазку. И соседей с «Пятого года» не попросишь, у них самих народу не хватает, после Зверя-то. Уже и добровольцев в группу прикрытия не осталось! Бабы не пускают мужиков. Отдай пацана! – в голосе его зазвучал металл.

– Рано ему, – по-прежнему ровно отрезал Дед.

– Не рано! Я видел, как он крысу голыми руками поймал. Ее пулей не каждый достанет. У него нечеловеческая реакция.

Последняя фраза была тонким намеком: Максимыч должен был помнить, как в метро относятся к мутантам.

Дед пропустил угрозу мимо ушей:

– Одной реакции мало для сталкера. Его еще нужно готовить.

Сам Дед ни разу не выходил на поверхность после ТОГО дня.

– Подготовим. По полной программе.

Сергеич врал. Он стал начальником станции не потому, что жалел людей, и оба собеседника знали об этом.

Этих стариков связывало что-то из прошлого, но Женя не знал, что.

– И потом… – Дед скрипнул коленями, вставая. Он зашел в каморку убедиться, что внук спит. Парень упал на подушку, затаил дыхание и зажмурился, сжался

всем телом.

– Ты будешь использовать его как пушечное мясо! – отрезал Дед, выйдя наружу.

Оба помолчали. Мальчик ждал.

И Сергеич ждал.

– У Жени отсутствует аналитическое мышление. Ты ж наверняка видел его оценки по математике? Вот… Уровень абстракции – ноль. Считает только то, что видит. Нельзя таким в сталкеры. Парень хороший, быстрый, но сообразительности не хватит.

Евгений чуть не задохнулся от ярости: у него не хватит?

– Не вечно ж ты его будешь тут держать? – Сергеичу не требовалось заходить в каморку, чтобы догадаться, что парень не спит, он такие вещи чувствовал. – Мы его только выход прикрыть попросим. А вернется – уже герой! Ему уже за девками пора бегать! Пора-а!

И тут Женя, наконец, не выдержал и выскочил к костру. Старики уставились на него.

– Пора? – Сергеич обратился к нему. – Будешь первым среди ровесников, кто на поверхность выйдет. Надо ж место под солнцем завоевывать!

– А остальных, значит, мамки не пустят, – Дед еще не сдавался.

– Нормальная у меня абсракция! – закричал парень.

Оба старика засмеялись.

– И солнце я хочу посмотреть!

Ему не ответили.

– Все равно пойду! – Евгений набычился. Он пытался поймать взгляд Деда, но тот прятал глаза – раздумывал.

– Эх! – наконец, произнес Максимыч и смерил внука пристальным взглядом.

У них была тайна, которую они скрывали настолько тщательно, что не осмеливались говорить о ней. Это была странная тайна, потому что Женя считал, что Дед не в курсе, а тот искусно изображал неведение.

В метро не любили мутантов с поверхности, которых считали исчадиями радиоактивного ада. Ненависть к ним сплачивала, заставляла забыть политические и торговые дрязги между станциями.

Но парень не считал себя мутантом. Он просто не различал цветов, мир представал перед его глазами черно-белым. Правда, мир метро после Катастрофы вообще не блистал красками, благодаря чему недостаток Евгения пока получалось скрывать.

Сергеич целых пять часов посвятил знакомству Жени с устройством автомата, отобранного у Деда, и даже милостиво выделил три патрона – выстрелить по мишени. Тот попал один раз.

– Тройка! – обрадовался Сергеич. – Считай, что курс молодого бойца прошел!

Начальник «Баррикадной» был единственным, кто верил в Женю. Ни сталкеры, ни Дед не удосужились прийти, чтобы оценить его подготовку.

…Два бойца приоткрыли гермозатвор, чтобы выпустить Евгения. Он должен был найти укрытие прямо тут, у павильона, и прикрывать огнем основную группу. Можно сказать, это был единственный момент операции, прошедший по плану. Несмотря на то, что мгновенной атаки на «герму» не последовало и группа сталкеров уверенно выбралась на поверхность, экспедиция закончилась через три минуты.

Облаченный в старый тщательно подогнанный ОЗК Женя осторожно шагнул наружу и замер. Темные тучи клубились, нависая над развалинами домов. Он видел тучи первый раз, их угрюмая, торжественная красота восхищала и подавляла. Женя опустил голову, уперся подбородком в пропахший хлоркой хобот противогаза и закрыл глаза, чтобы хоть на секунду перестать ощущать источаемое небом зло. Среди каменного крошева вокруг площади, где сохранился павильон метро, за бетонными глыбами, когда-то бывшими зданиями, чувствовалось почти неуловимое волнообразное движение. Это были не звуки, нет. Не крадущиеся шаги удаляющихся сталкеров. Женя отчетливо слышал стенание и рычание неведомых тварей, щелканье зубов и готовность к атаке, но он чувствовал, что для него твари не опасны.

Не открывая глаз, мальчик снова обратил лицо к тучам, и за ними тоже ощутил беззвучное движение. Пробежали мелкие волны, одни – ускоряясь, другие, наоборот, замедляясь, сложились в круговорот над площадью, замерли. Женя вдруг увидел наземный мир в красках жизни… Покрытые изморозью колючие растения, что клубились неподалеку, были желтыми. Плитка, устилавшая тротуар, – розовой. Мелкие звери, окруженные синими и зелеными ореолами-аурами, выглядывали из нор в дальнем конце площади. Парень не знал названий поразивших его цветов и захотел присмотреться, запомнить, чтобы потом спросить, но было поздно.

Стая вичух с душераздирающим визгом спикировала с крыши частично уцелевшей высотки. Сталкеры знали, что делать: без лишней суеты встали в кольцо спинами друг к другу, полоснули по визжащей стае из автоматов. Стервятники врезались в строй. Крупная тварь ухватила пулеметчика, брызнула кровь. Автоматы зашлись огнем, и стая уступила, шарахнулась вверх, увлекая тяжеловесную жертву за собой. Надолго их не хватило – пулеметчик с глухим стуком упал на землю. Наверняка уже мертвым.

– Отходим! – рявкнул командир.

Группа не стала ждать, пока стая очухается и атакует снова. Грохоча берцами, сталкеры метнулись к гермоворотам.

По раскрошенному асфальту прыгала, царапая его когтистыми лапами, не успевшая поучаствовать в нападении вичуха. Мерзкая тварь злобно шипела, роняя из оскаленной пасти пузырящуюся на покрытой инеем поверхности слюну, но не пыталась напасть, просто кричала, широко разевая рот. Никто не

выстрелил – берегли патроны.

– Хорошо, что недалеко ушли.

– Да, стая большая, вторую атаку не отбили бы.

Два неузнаваемых под масками противогазов бойца скользнули мимо. Женя все так же безмолвно стоял у павильона.

– Уходим! – крикнул ему замыкающий сталкер и махнул рукой. – Эй, как там тебя!?

Женя, словно не услышав, осторожно двинулся к вичухе… Причина ее поведения стала понятна: цепочка свежих пулевых отверстий пересекала чуть скособоченное крыло. Вичуха попятилась. Парень поднял автомат и посмотрел ей в глаза. В его душе не было ни страха, ни жалости. Как любому новичку, автомат придавал ему уверенности и спокойствия.

Вичуха задрала клюв к небу и тонко заверещала – звала своих на помощь. Женя на мгновение прикрыл глаза и увидел этих «своих», вернувшихся на крышу. Исходящие от них разноцветные волны трепетали любопытством и… ужасом?

«Хотя какой я сталкер?» – апатично спросил себя он, поворачиваясь к вичухе боком. Левой ладонью подпер цевье, отставил правый локоть, как учил Сергеич, и тщательно прицелился. Вичуха продолжала вертеть уродливой кожистой головой. Евгений всадил короткую очередь под складчатое горло, ящерица опрокинулась на правый бок. Женя полоснул второй очередью в то же место, почти начисто оторвав вичухе голову. У гермоворот одобрительно зашумели, но слов было не разобрать. Ощущению цельности картины этого маленького мира, мира площади у станционного павильона, шум не помешал.

Женя встретился глазами с последним оставшимся на поверхности сталкером, нетерпеливо переминающимся у гермозатвора в ожидании, и понял, что пора возвращаться. Но теперь его отвлек возвышающийся неподалеку конус метра три высотой. Сергеич говорил, что это «муравейник», но живут ли в нем муравьи – не уточнял. Зато рассказывал, что по нему можно ходить, и поверхность пружинит под ногой, будто муравейник сделан из пористого сыра. Парень как раз решал, не сходить ли проверить насчет муравьев, когда стая мелких серых

животных выбежала на середину площади и закружилась в хороводе.

«Крысы!» – обрадовался Женя старым знакомым.

Только это были не крысы. Существа были размером с некрупных поросят, без шерсти, и действительно напоминали крыс, но по мере приближения стало ясно, что это – мутировавшие собаки.

Евгений всмотрелся в круговерть невиданных им ранее животных и разглядел в этом движении смысл. Твари выталкивали из своего круга яростно огрызающуюся самку с детенышами.

Женя ухмыльнулся в маску и подошел ближе. Самка отвернулась от сородичей и, оскалившись, загородила детенышей от человека.

Стало видно, что обреченные на заклание звери покрыты белесыми язвами, из которых сочится гной.

«Да они больные!» – догадался парень.

Тратить патроны не хотелось. Он с удивившей его самого точностью ударил самку штыком, пригвоздив ее к земле. Штык автомата увяз в хрустнувших ребрах, пришлось извлекать его, упершись ногой в издыхающую тварь. Детенышей Женя затоптал сапогами…

В голове снова возникла и уже не пропадала цветоволновая картина мира. Евгений закрыл глаза и стоял так, не шевелясь и почти не дыша. Цвета мира, видимые только ему, искрились и переливались, словно осмелев после ухода людей. Вичухи занялись своими делами: вернулись к трупу пулеметчика, уволокли наверх и приступили к трапезе. Цвет их пиршества был ярко-красным и даже красивым, но туда смотреть Женя не хотел.

Ожил «муравейник». Один из его склонов, казавшийся золотистым, вытянулся длинным языком, накрыл ковром тело вичухи и запульсировал серебристыми брызгами, переваривая ее. Другой язычок, поменьше, деликатно обогнул стоящего человека и тронул останки крысоподобных собак, словно пробуя их на вкус. Этот желтый пористый язык муравейника был усеян крупными, разного

размера дырками. Кончик его приподнялся и… посмотрел.

– Чего тебе? – спросил Женя.

Он не мог разглядеть ничего похожего на глаза, но ощутил внимательный взгляд. Видимо, смотрели дырки. Языки муравейника убрались к конусу, не оставив на земле ни вичухи, ни собак. Однако кусок, что был у ног парня, с хрустом отломился и ковриком улегся на асфальт.

Наступила тишина.

Женя пошел к гермоворотам, не обращая внимания на тянущийся за ним кровавый след. Он улыбался улыбкой человека, хорошо сделавшего свою работу.

Все еще держащий ворота открытыми сталкер почуял эту улыбку.

– Проходи!

Если раньше в его голосе звучало нетерпение, то теперь его сменил благоговейный ужас.

Евгений шагнул внутрь, и низкий потолок обрушился глухой тяжестью на лоб, сдавил мозг так, что дышать стало невозможно. Парень отпрянул назад. Упал снаружи, уткнулся лбом в покрытый изморозью асфальт. Заставил себя дышать мелко и часто, чтобы прийти в чувство. Рванул ворот комбеза, но тот не поддался.

– Полегче! Что с тобой?

Женя окинул взглядом двухметровую фигуру в чистом ОЗК.

– Дяденька Сергеич, плохо мне, в голове что-то щелкнуло, – запричитал юный сталкер. – Не получается войти, задыхаюсь.

Начальник Баррикадной проигнорировал фамильярное «Сергеич».

– Возьми меня за руку, давай вместе еще раз попробуем.

Парень послушался, уцепился за протянутую рукавицу, встал. Часовые на входе разглядывали его с любопытством. Пришлось набрать в грудь побольше воздуха и снова сделать шаг. Жаркое удушье легко выбило из легких остатки кислорода. Ноги подогнулись, и Женя повис на руке Сергеича.

– Что с тобой Женечка? – Дед теребил его за хобот противогаза. Мальчик лежал на спине, головой на его коленях. Сергеич сидел на табуретке спиной к прикрытой герме.

– Внутрь не могу… Не дышу там.

– Это у него от свежего воздуха? – с недоверием произнес Сергеич.

– Клаустрофобия? – предположил Дед.

– Горазд ты на словечки. Делать что будем?

– Врачу его показать!

– Акопяна на «Пятый год» вызвали.

Женя слушал разговор стариков и силился вспомнить станционного врача Оганеса Ваганыча. Они с Дедом не болели и никогда к тому не обращались.

– Сталкеры говорят, ты держался молодцом, вичуху завалил. Можно сказать, стал взрослым мужчиной, прошел обряд посвящения. А тут такое! Нам так нужны сталкеры!

– Инициация! – продолжил блистать эрудицией Максимыч.

Начальник Баррикадной что-то неодобрительно буркнул, перевел взгляд на Женю.

– Говорят, тебя звери не трогают!

Парень сполз с коленей Деда на землю, встал на четвереньки:

– Я вижу цвета!

– Правда? – обрадовался старик.

Женя легко вскочил на ноги:

– Они… звери… это… умирать ко мне идут… Чтобы я их того… кончил… Из милосердия. Никакой я не сталкер. И вичуха эта, и собаки – больные были.

– Как это называется? – Сергеич был уверен, что Дед найдет нужное слово, но все же уточнил: – Добивание. Из милосердия когда?

Тот выдержал взгляд начальника.

– Мизерикордия.

– Для кликухи длинновато, – начальник Баррикадной тоже встал. – Мизер? Это для блатных кличка. Корд – это пулемет такой. Да и какой ты пулемет? Мелковат для пулемета. Маленький, шустрый, незаметный. Как что?

Он снова обратился за помощью к Деду.

– Как стилет. Мизерикордом называли стилет, который прятали обычно в рукаве.

– Нормальный позывной. Нравится?

Женя поморщился, но противогаз скрыл от Сергеича гримасу.

– Ну, тогда пойду к врачу на «Пятый год». По поверхности! – объявил парень.

Дед, скрипнув коленными суставами, тоже встал. Чужой ОЗК висел на нем мешком.

– Я с тобой, – старик тяжело выдохнул и повертел в руках дозиметр.

– Дорогу вспомнишь? – Сергеич выдернул дозиметр из его рук, показал нужную кнопку. Прибор мерно запикал.

– Вспомню, – бодро заявил Дед, вернул себе дозиметр, отключил и спрятал в накладной карман на животе.

– Ну, бывайте тогда, – попрощался Сергеич. – Помни только, Женя: решай свои проблемы и возвращайся. Всегда примем.

Парень повернулся спиной к старикам, он не чувствовал ни страха, ни огорчения. Черно-белый мир Баррикадной уже был ему тесен.

Коврик ткнулся уголком в ногу. Отполз. Призывно приподнял уголок.

– Зовешь меня? За тобой идти? – не ожидая ответа, поинтересовался Женя. Он посмотрел, как за Сергеичем закрылись гермоворота.

Коврик не ответил, наверное, функцию рта дырки выполнить не могли.

– Что это? – испуганно произнес Дед.

– Не видишь? Коврик… Не опасно.

– Опасно-неопасно. Допустим, звери тебя не трогают. Если в их стае есть больные. А если больных нет? А если зверь – одиночка? И полностью здоров? Молчишь? То-то и оно!

Глава 2

Сладости для радости

Может ли снег быть черным? Да, может. Еще как может! Женя видел его своими глазами.

Ядерной зиме закон не писан. Она изменила не только привычные краски, но и физические законы.

Снег темнел, еще не коснувшись земли. В воздухе он смешивался с поднимаемой ветром пылью и опускался на руины зданий, уже изменив свой цвет.

Снежные шапки, лежавшие на грудах битого кирпича и обломках бетона, местами твердели, превращаясь в корку, местами становились рыхлыми и таяли, сбегая на растрескавшийся асфальт похожими на слезы струйками воды. Казалось, что израненный, но еще живой город плачет…

– Стой! – Дед еле шел, опираясь на руку Жени.

– Деда, совсем устал?

– Нет… Посмотри сюда… – старик указал на неприметный холмик среди покрытых черным снегом развалин.

– Это – могила того, чьим именем я тебя назвал… Доброго подполковника Жени.

Парень постарался получше рассмотреть холмик, но ничего примечательного не заметил. Он вспомнил, что Дед часто упоминал «доброго подполковника», но толком никогда не рассказывал о нем.

– Расскажи, каким он был. Пожалуйста.

Отставший было коврик догнал их и будто бы тоже прислушался.

– Мы с ним познакомились на книжной выставке, я не знал, что он военный… Подружились. А потом, когда перед Катастрофой… Как тебе объяснить?

– Давай по порядку!

– Гм… По порядку, говоришь? Лады, – Дед какое-то время молчал, оживляя в памяти далекий 2013-й. – В том году, когда международная обстановка обострилась, страна впервые за постсоветскую эпоху призвала резервистов на сборы. Приехали не все, но кое-кто обрадовался возможности поторчать какое-

то время в «пионерском лагере» без жен и насущных проблем…

Евгений слушал своего воспитателя, и перед его мысленным взором представали картины того, что произошло незадолго до Катаклизма.

Виталик Серов, будущий «Дед», как раз уволился с одной работы, но не устроился на другую, потому он и пошел в «партизаны», как в шутку называли резервистов.

Но увязнуть в пьяном безделье Виталию Максимовичу не позволил «добрый подполковник Женя». Он высоко оценил художественные и музыкальные способности подопечного и выбил Серову синекуру: должность начальника клуба их воинской части. Теперь Евгений понял, почему много лет подряд, уже под землей, на вопрос: «А ты вообще кто такой?» – Дед отвечал: «Начальник клуба», – неизменно, впрочем, вызывая смех.

В тот самый день «добрый подполковник Женя» куда-то делся, а Серов толкался среди кадровых старших офицеров, стесняясь своей измятой полевой формы и капитанских погон.

– К торжественному маршу!

– На одного линейного дистанция!

– Управление прямо!

«Это я тоже – «управление»?» – сам себя спросил Серов и услышал чей-то брезгливый голос из первой шеренги:

– Этого «пиджака» уберите! А то он устроит нам сейчас прохожденьице.

Максимыч двинулся было бочком-бочком мимо пустой гостевой трибуны, проклиная все на свете прохождения вкупе с паркетными войсками, но тут позвонил подполковник:

– Бегом в общежитие! Выводи женщин и детей! Дежурный знает, куда. Начинается!!! На тебя вся надежда. Ты теперь старший. Понял?

Серов рванул в общежитие. У входа его окружили взвинченные женщины, пытающиеся успокоить насмерть перепуганных детей. Дежурный по общежитию сержант объяснил Максимычу, куда их вести.

Серов замешкался, пытаясь точнее сориентироваться, к какому подвалу идти, но сержант понял его замешательство по-своему.

– Товарищ капитан! Снимите меня с поста. Пожалуйста! Под свою ответственность.

У Максимыча не было никакой ответственности, но он разглядел в глазах дежурного смертельный ужас и промямлил:

– Ну ладно.

– Вы не подумайте, что я струсил, – оправдывался сержант, для чего-то запирая двери общежития на все уставные замки. – Зачем мне оставаться? Оружейки тут нет, не казарма же, что тут охранять? А там я пригожусь…

Виталий Максимович молча ждал, когда дежурный закончит бесполезный свой труд. Наконец щелкнул последний, самый верхний замок, сержант аккуратно пропихнул связку ключей в почтовый ящик и, запнувшись, пояснил:

– У меня там… девушка.

Притихшие женщины признали авторитет «партизанского» капитана. Добраться до убежища удалось быстро и без особых происшествий.

«Как экскурсию водить», – подытожил Дед.

Они скрылись за толстыми стенами до того, как город охватила паника.

Истошно, надрывно взвыли сирены, и привычный мир разломился на «до» и «после».

Серов последний раз в жизни курил, нервно вышагивая у входа, а по улицам метались растерянные люди. В панике они то бросались бежать неизвестно куда, то останавливались, беспомощно осматриваясь по сторонам.

Многие несли в руках до смешного нелепые предметы: папку с документами, шкатулку, шубу…

Мимо промчалась растрепанная женщина, прижимающая к груди девочку лет пяти. Девочка смотрела прямо и сурово, точно таким же материнским жестом прижимая к груди куклу в чем-то розовом.

Кое-кто догадывался о назначении места, в которое ведет глубоко утопленная в бетон дверь, просился внутрь. Максимыч малодушно впускал всех.

С противоположной стороны улицы остановились два закамуфлированных армейских грузовика с КУНГами[1 - КУНГ – аббревиатура, обозначающая кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита или Кузов УНифицированный Герметизированный.], вылизанными, как палуба космического корабля. Оттуда выпрыгнули несколько офицеров. Виталик выдохнул, когда увидел среди них «доброго подполковника Женю». Тот тоже увидел Серова, остановился, глаза в глаза глядя через запруженную улицу, и достал телефон.

– У нас тут в грузовиках… – донесся из трубки четкий баритон, и это было последнее, что услышал от него Максимыч.

Первый ядерный взрыв вспыхнул за спиной. Здание над бомбоубежищем заслонило Серова, но на другой стороне улицы люди мгновенно ослепли. Виталий Максимыч увидел, как они синхронно поднесли руки к глазам, а через мгновение взрывная волна скомкала их и ударила в опрокинутые грузовики. Серов рыбкой нырнул внутрь убежища за мгновение до того, как здание над ним рухнуло, накрывая сотнями тонн раскрошенного камня улицу, вход, трупы людей и грузовики.

…Виталий Максимович оказался плохим вождем, слишком мягким и безынициативным.

Вот и вышло, что лидером стал сержант. Именно он организовал жизнь в первые, самые сложные дни: следил за выдачей воды и продуктов, навел порядок и наладил круглосуточную охрану склада – от греха подальше. Через два месяца он же нашел проход из убежища в метро и организовал переселение, без малейшего сожаления покинув построенное в прошлом веке бомбоубежище, которое хорошо защищало от «юнкерсов», но плохо – от радиации. Сергеич же нашел НЗ и оружие, сколотил группу поддержки и возглавил то, что пацаны называли «станцией».

Всякое случалось за те два десятилетия, пока метро боролось за выживание. Их Баррикадная крутилась между богатой Ганзой и фашистами, успела стать членом аморфного альянса «Конфедерация 1905 года», нашла в себе силы открыть школу и прославилась больницей.

Глава станции правил железной рукой, не чураясь ни несправедливости, ни жестокости, Серов, желавший остаться «чистеньким», в чем не раз упрекал его брезгливо Сергеич, жил отшельником, должностей не занимал. Он нянчил маленького Женю, заработал прозвище «Дед», ловил крыс и продавал их тем, кому не хватало патронов на свиней, импортируемых с более удачливых станций.

Несмотря на презрение, Сергеич остался благодарен Максимычу за спасение и за то, что тот за долгие годы ни разу не напомнил ему об эпизоде снятия с поста, никогда ни о чем не просил и довольствовался автоматом, который получил от сержанта в тот самый день…

Сейчас старый добрый АК-47 сжимал в руках Евгений.

Рассказанная Дедом история на время вернула Женю в убежище, где прожил он столько лет, чувствуя себя частью общества. Но убежище они покинули и шли теперь по зараженной радиацией поверхности неизвестно куда.

Следовало привыкать к способностям, которые подталкивали к нему обреченных зверей. Твари прекращали сопротивляться при виде Жени и принимали смерть как милосердие, что было так же странно, как и непонятное слово «мизерикордия». Парень собирался было подробнее расспросить Деда, что оно обозначает, но отложил на потом, потому что ему в голову пришла другая идея.

– Деда, давай покопаем здесь? А? Интересно же, что в грузовиках было.

Максимыч посмотрел на серое небо, но понять, какое сейчас время суток, не смог.

– Стремно что-то, нам бы укрытие до рассвета найти. И ты вес бетона себе представляешь? Ты тут год копать будешь и еще неизвестно, что найдешь.

– Деда, давай попробуем!

– Голыми руками?

Женя беспечно забросил за спину автомат, осмотрелся и выдернул из мерзлой земли обрезок арматуры с себя ростом. Ухватил его поудобнее.

– Полчаса ковыряемся. Ничего не находим – уходим, – смирился Серов.

Парень принялся долбить развалины. Максимыч посмотрел на небо, силясь вспомнить, где находится ближайшая станция, вздохнул, нашел свой кусок арматуры и присоединился к внуку.

Первый труп они отыскали через час. Мужчина без головы, одетый в костюм из когда-то голубой ткани, лежал на спине. Серов оценил качество кашемира, но после прикосновения ткань рассыпалась в пыль. Стала видна шелковая подкладка, сохранившаяся немного лучше.

– Знаешь, Женька, – Максимыч пожевал губами, – хорошая у тебя идея была. Смотри – трупы мумифицировались. Под бетонной крошкой, как в склепе, не было воздуха. Может, вправду найдем чего. Но уже не сегодня.

– А что такое склеп?

– Да примерно то же, что наше чертово метро, только без воздуха. Могила.

В одном из расползающихся карманов нашлась горсть белых пластиковых трубочек с надписью MARRIOT.

Женя протянул их Максимычу, тот поморщился:

– Засохли уже, бесполезная вещь.

– А вот это?

– А вот это уже получше! – Во втором кармане оказались мягкие на ощупь бумажные трубочки, бумага тоже еле держалась, но внутри…

Старик обрадовался, как ребенок:

– Сахар! Сколько лет мы его не видели! Интересно… – Виталий Максимович с грустью посмотрел на труп. – Человек в суете объявленной тревоги собирал со столов ручки и сахар. Гм… Вот тебе и сладости для радости.

Стемнело. Коврик давно отстал, Женя с Дедом не дожидались его. Они все еще надеялись найти укрытие. Чем дольше странники брели по разрушенному городу, полному пугающих звуков, тем сильнее хмурился Максимыч. Москвы он не узнавал. Наконец Серову удалось отыскать входной павильон Улицы 1905 года, но на стук никто не ответил.

Женя слышал, как Дед бормочет непонятное:

– По законам Голливуда, в самый последний момент нужная дверь откроется, и герои спасутся, аминь.

Но ничего не открылось. Зато появилось ощущение, что кто-то идет за ними по следу.

– Что делать будем? – спросил парень.

Он излучал спокойствие, тогда как пьяный от усталости Максимыч нервничал все сильнее, хоть и старался держаться.

Первые лучи рассвета готовы были коснуться грязных от бетонной пыли заснеженных улиц, а они все шли, опираясь друг на друга, машинально переставляя ноги.

– Будем спать. Может, сюда?

Среди битого щебня и мусора возвышалась будка со створчатой дверью, одна створка была выломана.

– Лифт в подземный переход, – пояснил Серов. – Твоя новая хворь – клаустрофобия, боязнь замкнутого пространства. Давай есть слона по частям.

– Кого?

– Да так, старые присказки стали возвращаться. Вот эта будка с одной створкой – не совсем замкнутое пространство.

Сталкеры протиснулись в щель и осторожно спустились на крышу лифта. Внутри обнаружилось гнездо, заброшенное так давно, что даже запах выветрился. Однако лифт застрял недостаточно низко, чтобы его крыша показалась надежным убежищем.

– Ну? – Максимыч разгреб ставшее трухой дерьмо обитавшей здесь когда-то зверюги.

На улице стало совсем светло, наверху завыло, затопало и зашуршало. Женя высунулся наружу – как из окопа посмотреть.

– Вроде ничего.

– Лезем дальше! – скомандовал Серов и полез в щель, куда только что стряхивал дерьмо, застрял, но уперся спиной в стену шахты, сумел-таки раздвинуть створки кабины и шумно ввалиться внутрь. Женя протиснулся следом.

Внутри лифта было сухо и абсолютно темно. Максимыч угодил ботинками в истлевший труп на полу. В воздух поднялось облако трухи и пыли, в которое и приземлился Женька.

– Хорошо, что мы в противогазах, – заметил старик.

– Чего?

– Ничего. Здесь ни зги не видно, ты не можешь видеть, насколько пространство замкнуто. Как себя чувствуешь?

Парень не ответил, заработал «жучком», задышал тяжело.

Тусклый свет озарил останки мужчины и мальчика, явно погибших во время Катастрофы. На что они рассчитывали, спрятавшись в лифте? Даже не пытались спастись, так и застыли, взявшись за руки. Максимыч долго смотрел на останки.

– Гаси фонарь, – хрипло попросил он внука.

– Что такое, деда? – снова оказавшись в абсолютной темноте, Женя задышал ровнее.

– Видишь? Предпочли остаться в лифте и умереть здесь. Фактически в гробу. О чем они тогда думали, сжираемые радиацией? Может, просто ждали помощи? Чевой-то не верится.

– Во что не верится? – уточнил Женька.

Он знал, что Дед любит делать неожиданные выводы, и охотно его слушал.

Старик обшарил карманы погибших, нашел две картонные карточки, осветил их своим фонарем. Карточки оказались билетами на концерт. В той далекой, безвозвратно ушедшей жизни отец с сыном шли слушать музыку.

– И что я тут делаю? – пробормотал Серов. – Почему не остался с ними наверху?

– Ты чего опять? – огорчился Женька. Такое настроение Деда он знал и сильно не любил.

– Понимаешь… Как будто прошлое протянуло ко мне свои руки и за сердце взяло, – старик потер грудь с левой стороны. – Знаешь, что я прямо сейчас вот здесь понял? Херня все эти двадцать лет, что мы тут в могилах копошимся…

– Ты что, дедушка? Перестань, что ты!

– Мое место там! В прошлом! – устало выдохнул Максимыч и умолк, махнув рукой.

Парень вдруг почувствовал во рту металлический привкус. За миг до того, как на крышу лифта посыпались осколки бетона, он дернул Деда за руку и прошептал прямо в ухо:

– Он!

– Кто? – не понял Серов.

– Тот, кто шел по нашему следу.

Преследователь шумно втянул воздух и бухнулся на крышу, завозился наверху. Заскрежетали когти: судя по звуку, крупная тварь пыталась прорваться в кабину лифта. Женька поежился, ощущать себя добычей было неприятно. Он собрался было открыть крышку и вжарить твари между глаз, благо, верный «калаш» был под рукой, но зверь неожиданно затих, затаился.

– Чего это он? Он же чует, что мы здесь, – удивленно прошептал парень.

– Сам, видимо, испугался кого-то. Сука. Тоже решил спрятаться. Дневные твари страшнее ночных, помнишь? Выходит, на нас охотился ночной зверь.

– Почему – охотился? – ухмыльнулся Женька. – Он и сейчас охотится. Только тихо!

Несколько часов они в полузабытьи прижимались друг к другу, чтобы согреться, не решаясь заснуть, прислушивались к дыханию зверя на крыше. Сначала договорились дежурить по очереди, и Женьке первому выпало сторожить тварь, но Серов все равно не смог заснуть. Так и дремали оба вполглаза. Как чувствовать себя в безопасности, если прямо над тобой на ветхой крыше притаился хищный и явно голодный незнамо кто?

Ближе к полудню стало теплее. Новый, явно огромный зверюга вынюхал двойную добычу и принялся звучно биться мордой о будку. Эта тварь была столь крупной, что не могла выковырять жертву из лифтовой шахты: проем одной створки не позволял, а вторая застряла намертво. Железобетонная будка двадцать лет назад выдержала ударную волну ядерного взрыва, устояла она и сейчас. Надолго ли?

Тварь, игравшая теперь роль добычи, скулила и отчаянно скребла люк, словно просясь вниз, к людям. Жалобные вопли сменялись радостными в те моменты, когда ночной хищник осознавал бессилие дневного.

Однако зверюга снаружи начинала бить сильнее, и в уши снова врезался трусливый визг. Под вечер наступила развязка. Одуревший от акустической атаки Женька вздрогнул от страшно похожего на человеческий крика.

По крыше кабины последний раз заскрежетали чудовищные когти – и наступила тишина.

Тук-тук-тук…

По крыше часто застучали капли: видимо, дневной исхитрился ухватить ночного и теперь по частям выковыривал из убежища еще живое, но уже молчаливое существо.

Женька включил фонарь, осветив двери лифта. Темная кровь погибшей твари медленно стекала по поверхности стен и просачивалась в щель пола.

– Вот дрянь, изобретательная, – выругался Максимыч.

До заката они молчали, боясь привлечь внимание хитрого хищника.

Глава 3

Индиго и шелковая попка

Следующая ночь до смешного походила на прошедшую. Опасливо переступив через засохшую кровь зверя, которому не повезло, Дед и Женя осмотрелись и не обнаружили ничего подозрительного, что говорило разве что об их невнимательности. Как только они сделали шаг вперед, их окружили фигуры, затянутые в видавшие виды плащи.

– Стоять! Кто такие? Документы!

Парень не испугался. Он молча рассматривал сталкеров, пытаясь представить их в виде цветных волн, но с людьми новое зрение не работало. Цвет был у всех одинаковый – нейтрально-серый.

Максимыч вынул из-за пазухи выписанные Сергеичем бумаги. Мутанты документов не носили. Как по команде, стволы разномастного оружия отвернулись в стороны.

– Почему шляетесь по поверхности? – глаза старшего пристально смотрели сквозь мутные окуляры противогаза.

Серов пожал плечами.

– Мы с Баррикадной, пришли за нашим врачом. У вас он?

Вместо ответа сталкер указал в сторону входа на станцию.

– А чего вчера не пустили?

– Всех пускать – пускалка засорится! Что-то ты, старый, не похож на сталкера…

– А мы и не сталкеры, – буркнул Серов.

– Сталкеры! – перебил Женя, покосившись на старика с вызовом.

– Не сталкеры – значит, торговцы. И где хабар? Топайте!

Окруженные автоматчиками, они направились к той самой двери, в которую так отчаянно стучались утром. Ствол, впрочем, у Женьки не отобрали.

Уже у открытой двери он замер в нерешительности:

– Я… Это… не могу внутрь.

– Топай давай. Не может он, видите ли. Тоже мне цаца.

Женю бесцеремонно пнули ногой пониже спины, он едва не сбил с ног Деда. Скатился по ступеням. Оглянулся. Несколько костров освещали свод над платформой. Парень вздохнул неожиданно свободно…

– Сталкеры нам нужны! – комендант Улицы 1905 года нависал над путниками, опираясь на исцарапанную столешницу письменного стола внушительными, просто-таки монументальными кулаками.

Несмотря на худобу, он, казалось, занимал всю комнату, оставляя Женьке с Серовым узкий закуток между стеной и невесть зачем стоящей здесь же дубовой бочкой.

В отличие от многих стариков, облысевших от радиации, Илья Иваныч Зотов свою голову тщательно брил, и от него несло непривычным, но приятным запахом. Серые глаза его, слегка навыкате, смотрели беспощадно и непреклонно, «прямой наводкой», но свою реплику Зотов счел нужным пояснить:

– Народу у нас совсем мало, как бы эвакуироваться не пришлось.

– Мы подумаем, – Виталий Максимович схватил Женю за рукав, того в тесной комнатушке Зотова уже начало трясти. – Нам врач нужен. Срочно.

– Акопян уже ушел назад. Туннелем. Оставайтесь у нас! Малой наверх будет ходить, и тебя, старик, пристроим.

Молчание затянулось. Зотов посмотрел на Женю с недоверием.

– Не мутант часом? Мутные вы какие-то, – раздраженно сказал хозяин и прокричал в коридор: – Вовчик! Проводи!

В каморке возник плюгавый Вовчик, похожий на облезшую и худющую от недоедания крысу.

Женька с трудом удержался, чтобы не протянуть руку, захватывая в кулак тщедушную шею, вывернуть привычным движением, чтобы хрустнуло под запястьем. Словно почувствовав это намерение, провожатый дернулся, как от внезапного озноба, и всю дорогу старался держаться подальше от Евгения, за флегматично шагающим, куда ведут, Дедом.

Оказавшись на платформе, Женя понял, что приступ отступил.

Им отвели каморку в туннеле, мало чем отличающуюся от привычного, «родного» жилья на Баррикадной.

– Здесь раньше жила сумасшедшая портниха, бабой Юлей звали. Нет, шить ничего не шила, кто же ей, психованной, иглы-ножницы доверит? Нет, никто не знает, где она… Сгинула несколько дней назад… Да! Она иногда на поверхность выходила, не удержать было… Зачем? Да кто же ее знает, придурочную…

Вовчик своей манерой без умолку отвечать на незаданные вопросы сам напоминал безумца. К тому же он непрерывно сплевывал через щербину выбитого зуба, отчего еще больше походил на крысу. Рыжую. Припадочную. Больную…

Женька потряс головой, прогоняя видение.

– Человек, это же свой, сталкер, что ты! – прошипел он сквозь зубы, но Серов, кажется, услышал, поднял вопросительно седую бровь. Парень сделал вид, что не заметил.

– Говорят, она со сталкерами из Полиса тусила, – здесь Вовчик прикусил гламурное словечко из прошлого и мерзко улыбнулся.

Опять каморка! Женька отвернулся, потянул на себя рябую от застарелой грязи дверь.

Чудовищная вонь ударила в нос. Запахи протухших помоев, скисшей мочи, немытого человеческого тела, привычные носам обитателей метро, были густо приправлены чуждой химической горечью. Вовчика как ветром сдуло.

Серов поморщился. Сгинувшая, по словам Вовчика, хозяйка никуда не сгинула. Она была дома, стояла на коленях за символической шторкой, отгораживавшей топчан от «гостиной», загроможденной внушительного вида приборами.

Хозяйка упиралась лицом в топчан, выпятив совсем не тощий зад.

– Ацетон… – сказал непонятное слово Максимыч. – Она жива.

Женька пожал плечами – жива так жива. Снова заходить в замкнутое помещение не хотелось, но резкий запах отрезвлял и не позволял брякнуться в обморок. Вдвоем они перевернули старуху на спину. Отекшее синюшное лицо хранило рельеф брошенной на топчан дерюги, кожа на желтой шее свисала дряблыми складками.

– Да дохлая она! – поморщился Женька, но Дед покачал головой.

– Бабка в коме. Судя по запаху, у нее диабет. Давай твой сахар.

Серов разорвал протянутую внуком трубочку с сахаром, аккуратно пересыпал ее в чашку, капнул воды, размешал. Женя приподнял похожую на подгнивший капустный кочан голову хозяйки, а Максимыч влил густой сироп в ее распяленный рот.

– Кажись, глотнула. Обождем. Авось оклемается.

Парень махнул рукой и пошел искать, где бы прилечь. После долгого бдения под аккомпанемент схватки дневного кошмара с ночным он хотел только одного: выспаться. Закрыть глаза и не чувствовать давления близких стен и низкого потолка.

Между приборами обнаружился участок относительно чистого пола, Женька сдернул куртку, бросил ее на пол и моментально заснул.

…Баба Юля оклемалась, но не полностью. Иногда Женьке казалось, что какая-то ее часть так и осталась стоять на коленях в вони нечистот, прижимаясь лбом к грязному покрывалу на убогом топчане.

Большую часть времени старуха проводила, перелистывая исписанные листы толстой тетради, непрерывно бормоча, и то и дело, окуная заостренную палочку в склянку с самодельными чернилами, вписывала очередную строчку непонятных символов.

Женька часто навещал бабу Юлю: у нее было полно пыльных книг, а он пристрастился к чтению. Серов тоже заходил проведать старуху, но по неизвестной причине никогда они не бывали у нее вместе.

Для проживания на Улице 1905 года Виталию Максимовичу выделили каморку по соседству, такую же мрачную, как и все остальные, мало чем отличающиеся друг от друга жилища сталкеров.

Здесь, глубоко под выжженной радиацией землей, не принято, да и незачем было заботиться об уюте. Сегодня ты мастеришь стол из напиленных промышленным резаком досок, а завтра болтаешься в зубах мутанта визжащим мясом, – так зачем? Не лучше ли потратить свободное время на тренировку, чтобы как можно дольше оставлять вичуху с носом?

Каморки! Женя обнаружил, что приступы удушья накатывают на него именно в тесных станционных помещениях, палатках и на лестничных пролетах. А на платформе, где потолок уходил ввысь почти на шесть метров, дышалось легко. Потому он спал прямо посередине платформы.

Наставлять парня на истинный путь сталкерский взялся Богдан, старший команды «Пятого года», тот самый, что проверял у них с Дедом бумаги. Невзрачный на вид мужик с седым ежиком волос, наползающим на низкий лоб, под который глубоко прятались колючие глаза с расплывшимися во всю радужку зрачками, оказался бойцом от бога. Женька первое время диву давался, как удается учителю бить в три места одновременно, потом привык, научился

уворачиваться два раза из трех.

Учитель казался довольным результатами, а Евгений с нетерпением ждал «экзамена», по опыту Баррикадной зная, что без испытания не обойдется. День «Х» приближался. Юный сталкер ждал его и боялся, но случившееся превзошло все ожидания.

Началось все, как обычно: Женька отбил косой в челюсть, увернулся от двойки в живот, крутанул «хвост» и почти зацепил верткого Богдана. Тот на миг потерял равновесие, Женька, обрадовавшись, ударил головой в корпус, но тут же поплатился за щенячий энтузиазм: учитель легко пропустил его, влекомого инерцией, и еще вдогон припечатал локтем, чтобы уж наверняка.

– Ну, скорее более, чем менее, – ухмыльнулся Богдан и протянул руку, помогая ученику подняться. Встал строго напротив и впился взглядом в лицо Жени так, словно готовился к новому спаррингу, но нападать не спешил, и Женька понял, что – вот оно, началось.

– Реакция хорошая, технику подтянули чутка, мышцу? со временем наберешь. Сейчас будет главный тест. Индиго ты или муравей, тварь дрожащая? – Богдан зло хохотнул, видимо, забавляясь таким делением обитателей станции «Пятого года». – Запомни, в реальной жизни спаррингов не случается и честных поединков – тоже. Враги всегда нападают кучей и одновременно, но это полбеды. Иногда они атакуют парами и по очереди, и надо быть волшебником рукопашного боя, чтобы такой натиск отразить. Ты – не волшебник. Ты должен определить среди нападающих лидера, главного врага. Уложишь его – появится шанс смыться от остальных. Понял?

Парень кивнул, обтер потной ладонью разбитые губы и приготовился.

Богдан хлопнул в ладоши, и со всех сторон на Женю бросились сталкеры. Он завертелся среди них, едва успевая ставить блоки, потом скользнул вниз – в сторону, взвыл, поймав спиной ногу в увесистом ботинке, но дотянулся до болтающегося на чьем-то поясе ножа и, не разгибаясь, метнул его в лицо Богдану. Подвиги даром не проходят: Женька тут же пропустил короткий снизу в солнечное сплетение, зашелся в бесконечном вдохе и рухнул на холодный пол.

– Плохо!

Берцы наставника остановились напротив лица.

– Слишком в лоб, и координатора атаки ты не вычислил. Даже не стал вычислять! Завтра повторим.

Парень не решился спросить, муравей он теперь или индиго, просто отдышался и пошел домой, к деду.

На следующий день повторили. И через день – тоже. Однако и через неделю повторов все заканчивалось одинаково: Женька оказывался на полу, то придавленный неделикатной сталкерской ступней, то плывущий в грогги, то плюющийся осколками собственных зубов.

От тренировки до тренировки ходил он сомнамбулой, вяло реагируя на попытки Деда завязать разговор. Женька словно чувствовал, что Дед ему не помощник, сам, только сам должен он решить задачу. Евгений понимал: ответ рядом, а он топчется вокруг да около и никак не может ухватить за хвост новый смысл. Вцепиться в него и втащить, вплести в ткань реальности, в которой он станет по-настоящему сильнее и крепче многих.

Ответ пришел сам собой, когда очередной пропущенный удар хлестко впечатался в затылок. Женька тряхнул головой, прогоняя рябь из глаз, и вдруг понял, что эта серая рябь сродни видению, открывшемуся ему на поверхности.

Только люди воспринимались скорее как графики, которые учительница рисовала углем на исцарапанной доске учебного класса на Баррикадной.

Двигающуюся на первый взгляд хаотично толпу нападающих словно пронизали силовые линии, закручивающиеся и кое-где пересекающиеся, но в массе своей тянущиеся к невысокому рыжему мужику с мощными руками и нависающим над широким армейским ремнем животом.

Вот оно! Женя словно обрел второе дыхание: всю застарелую злость свою, всю боль и растерянность последних «экзаменационных» дней вложил он в один отчаянный рывок. Он ударил в мужика всем телом, повалил и попытался ухватить за горло, но противник перевернулся, подминая хилого подростка. На миг показалось, что все кончено и можно смело шагать в «муравьи», но Женька

вдруг забыл все, что делало его тем самым подростком: Стену, Деда, вкусных крыс на Баррикадной и «доброго подполковника Женю».

– Сдавайся! – прошептал он и просто встал, поднимая мужика, стряхивая с себя и тут же, со всего маху, сверху вниз припечатывая коленом.

– Стоп машина! – рявкнул Богдан, и все остановились.

– Сдаюсь, герой! – заржал рыжий, и Женьку отпустило.

Вновь обрели смысл и объем человеческие фигуры, тускло проступили сквозь серое марево цвета, и враги превратились в своих, сталкеров, почти братьев, единственных в неприкаянном этом мире.

– Добро пожаловать, индиго, – серьезно сказал Богдан и протянул Женьке руку.

Здорово было пожать ее не из положения лежа.

Пожалуй, самым приятным на Улице 1905 года был душевой день. Здесь, на зажиточной, по сравнению со многими, станции горячий душ включали раз в неделю для всех желающих.

– Женя! Быстрей давай! Очередь пропустим! – орал Серов.

Женька подбежал к двери в предбанник, уже открывавшейся, чтобы впустить их. Запыхавшийся и разгоряченный после тренировки, он сбрасывал с себя одежду, словно она обжигала. Его распирало желание поговорить, но Максимыч был какой-то замороженный, раздевался вяло, а потом и вовсе рявкнул:

– Тихо ты!

Женя изумленно умолк: на Деда это было непохоже. Он прислушался. В душевой кабине, куда им предстояло идти, напевала девушка, и старик завороженно слушал ее голос.

Это была не совсем песня, а так, мелодичное мурлыкание. От этого мурлыканья у парня глухо стукнуло сердце и скрутило живот, и он тоже замер, вслушиваясь. Голос смолк одновременно со звуком бегущей воды. Дверца открылась, и из нее выскользнула розовая от горячей воды девушка в одних трусиках. Прикрыв локтями грудь, она, словно не замечая, прошествовала мимо мужчин, грациозно неся на голове тугой узел полотенца. Оба, и старый, и молодой, смотрели ей вслед. Женю словно по голове ударило. Он сглотнул подкативший к горлу ком, облизнул пересохшие губы.

В мозгу крутилось когда-то услышанное выражение «шелковая кожа».

Покачивающаяся в такт шагам круглая попка, туго обтянутая посеревшими от времени трусиками, приковала его взгляд. Наконец девушка скрылась за дверью, и они с Максимычем шагнули в кабину, стараясь не смотреть друг на друга.

В следующий раз певунья повстречалась Женьке после занятий в тире. Богдан назвал его отличным стрелком, и счастливый парень побежал к Деду – хвастаться. Серов сидел в «едальне» как посетитель – за столиком. А напротив него загадочно улыбалась та самая девушка. «Шелковистая попка», как ее окрестил Женя.

Максимыч кормил девушку неизвестно на что выменянными свиными шкварками и шептал что-то, загадочно улыбаясь. При виде внука старик помрачнел, а девушка смутилась и поднялась, собираясь уходить. Женька не знал, радоваться или огорчаться: с одной стороны, ему хотелось получше рассмотреть лицо девушки или даже поговорить с ней, с другой стороны, когда она уходила, открывался вид на ту самую завораживающую попку.

Серов пододвинул Женьке миску с недоеденными шкварками и начал разговор резко, скрывая смущение:

– Не нравится мне на этой станции. Уходить хочу.

– Но деда! Почему?

– Тебе хорошо, с тобой нянькаются сталкеры. До поры до времени хорошо, пока на поверхность не ходишь, так и вовсе курорт. Но мне тут делать нечего.

– Объясни.

– Я думал заработать по-старому. На крысах. Но в здешних туннелях нет для моей приправы необходимых… индегриентов, – старик поднял глаза на парня, оценивая, понял ли тот сложное слово.

Женя молчал.

– Нам скоро жить не на что будет. Сечешь? – рассердился Дед.

Женя удивился. Улица 1905 года промышляла шитьем ярких нарядов, в основном, платков. Когда-то ее сталкеры отыскали склады «Трехгорной мануфактуры» и хранили это место в тайне, в одиночку разрабатывая «месторождение».

Народу на станции жило меньше, чем на Баррикадной, и уровень жизни был чуть повыше. Шутка ли – горячий душ раз в неделю! Так что на сталкерскую пайку прожить можно было и вдвоем, особенно если не кормить свиными шкварками… никого не кормить!

Женька даже обиделся немного.

– Ты что, деда? Я же скоро сталкером буду, за нитками ходить начну, как все.

– Когда это будет? И что? Мне у тебя на шее сидеть? Может, на Беговой попробуем? – не сдавался Серов.

Взгляд старика стал жалостливым. Женя заерзал на стуле. Ну не мог он отказать, когда Дед так смотрит!

– А назад, к Сергеичу на Баррикадную, не хочешь вернуться?

– Без тебя? Сергеич волком смотреть будет. Дал тебе путевку в жизнь как сталкеру, а ты сбежал, – укора в словах Максимыча не было.

– Чево? – Женя не понял слова «путевка», но общий смысл до него дошел. – Сергеич сделал из меня сталкера? Дал три патрона пульнуть в мишень – и все?

– Вернуться на Баррикадную всегда успеется, – признал Серов правоту внука. – Хочу на Беговой попробовать. Авось там лучше будет. Раз уж за столько лет первый раз с места сорвался, надоть удачу до конца испытать.

– Хорошо, давай попробуем. На Беговую, я тебя провожу, посмотрим твое новое место и решим.

– Проводишь? По туннелю? А клаустрофобия твоя?

Женя протянул деду пузырек с белыми кристаллами на дне.

– Вы все ныли «врач, врач». А Богдан вот что мне подогнал. Нюхни!

Он откупорил пузырек. Максимыч осторожно потянул носом.

– Нашатырь?

– Ага, штырь. Так что мне тут нравится. Богдан хороший, и баба Юля ничего. Книжки у нее разные. Не такая уж она чокнутая, вот совсем оклемается, так и вовсе… Жили бы с ней, хозяйство совместное, постирать там, то-се, и тебе веселее было бы… – парень осекся, наткнувшись на разъяренный взгляд Деда, и не добавил «дома».

– Макулатура у нее, а не книжки. Что ты сейчас взял читать?

– «Занимательную Грецию».

– Очень актуально! – съехидничал Серов и сплюнул. – Не оклемается она совсем. Хуже будет, если диабет мозги ей выест. Ты в курсе, зачем она на поверхность ходит?

Максимыч как будто ждал ответа, словно на самом деле интересовал его этот разговор, но Женька знал Деда давно, почитай, всю свою жизнь.

– Не, деда, это ты мне зубы заговариваешь. Колись! Ты что, ее знал до Катастрофы?

– Да она старше меня! – возмутился Серов, но взгляда внука не выдержал и произнес почти шепотом: – Знал. Она, правда, меня совершенно не помнит, нас у нее десятки были: кружок она вела, по танцам…

Они помолчали, Женька ждал продолжения о личном – надо же, танцы, но Максимыч неожиданно вернулся к неважному.

– Так ты знаешь, зачем она на поверхность ходит? Ходила, то есть… Сталкерша, твою мать! Меня донимает помочь: херню какую-то расставить. Нашла идиота. Здесь ходят за нитками, на Беговой – за топливом, а она?

– Нет, не знаю, расскажи.

– Профессия у нее под стать бумажному мусору, что ты читаешь. Метеоролог! Вот как будто в метро кому-то надо знать, что сегодня на поверхности: радиоактивный снег или радиоактивный дождь?

– А как же сталкеры, деда? Им же надо?

– Сталкеры в любую погоду ходят и одеты в одно и то же – зачем оно им заранее? Глаза, что ли, повылазили?

Женька считал, что Дед неправ, но спор прекратил: очень уж несчастное стало у Серова лицо. Он отвернулся, привыкая к мысли, что не сегодня, так завтра придется уходить с «Пятого года», на которой так хорошо было ему и так плохо – Деду.

…Так и не успел Женька сходить за нитками, только Богдана предупредил, что уходит на Беговую. Богдан помрачнел, на скулах вспухли желваки. Сказать – ничего не сказал, но посмотрел так, что мурашки пробежали по Женькиной спине и ссыпались в растоптанные сапоги, уколов пятки острым предчувствием опасности.

– Я из-за Деда, – забормотал парень, непроизвольно втягивая голову в плечи. – Деда провожу и вернусь… наверное. Мне у вас нравится, очень!

Богдан отвернулся молча и ушел, и Женька не знал, радуется он сейчас, что учитель его отпустил, или до слез обижается, что не попрощался.

Глава 4

Полет

Ритмичный перестук колес дрезины по рельсам… Один из редких звуков, которые не будили дремавшее в каждом обитателе метро чувство тревоги, а наоборот, успокаивали и даже вселяли надежду на завтрашний день. Потому что дрезина – какое-никакое, а достижение. Механическое сооружение, облегчающее жизнь. Изобретенная людьми машина. Мутанты на такое не способны, а значит, пусть и загнанная под землю, цивилизация все еще имеет право собой гордиться.

Беговая находилась по соседству, один вход, он же выход, до нее обычно добирались без проблем и с комфортом – на дрезине. Новоиспеченный сталкер-индиго Евгений сидел, уткнувшись носом в колени, и старался не смотреть на своды туннеля.

Дрезина замедлила ход, и Женя удивился напряженным лицам машинистов и охраны. С чего бы они? Спокойно же вокруг! Да и что может случиться здесь, кроме обвала, затопления или нашествия полчищ крыс?

– Всем тихо! – прошипел охранник.

Узкий луч фонаря пополз по верхним сводам тюбингов. В воздухе появились три бесплотные фигурки мальчишек. Не освещенные, а словно сами собой соткавшиеся из влажной, вязкой тьмы.

Они сидели на незримой ступеньке, средний двумя руками держал прямоугольный предмет размером с ладонь, и все трое смотрели неотрывно в

эту штучку. Ни на дрезину, ни на свет фонарика мальчишки не обращали внимания.

Женька содрогнулся, поняв, что луч света проходит через их тела, почти не встречая препятствий.

– Пронесло, – вздохнул седой торговец, похожий на взъерошенного воробья, пухленький, с маленькими ручками, которые он то и дело складывал на животе.

Из-за поворота показался освещенный блокпост Беговой. Глаза Максимыча подозрительно блеснули.

– Че это было? Чем они опасны? – спросил Евгений.

Серов одернул внука, заметив, что взгляд сидящего напротив торговца загорелся любопытством.

– Эх, молодо-зелено! Люди тут иногда пропадают бесследно, а эти привидения-детки… Они безобидные, хороший знак, – объяснил «воробей», седина которого казалась слишком чистой для подземных обитателей.

Дрезина проехала блокпост и остановилась, дернувшись и лязгнув. Сталкеры вылезли и не торопясь побрели к коптящему на центральной площадке костру, вокруг которого собрались люди в балахонах.

– Правильно. Сначала молитва, – одобрительно кивнул торговец. – Потом жратва.

Раздалось заунывное, нагоняющее тоску пение.

– Херь! – Женя вызывающе сплюнул под ноги и тут же получил подзатыльник.

– Ну, деда… – по-детски заныл Евгений, дурачась. – Непонятно же ничего, что воют, зачем воют…

Серов взглянул строго, но смолчал, лишь махнул рукой, чтобы не мешал слушать.

Одна из девушек, та, что сидела по правую руку от лохматого противного старикана, вдруг взяла запредельно высокую ноту и заглушила другие голоса.

– Цыц! Зараза! – старикан отвесил девушке точно такой же подзатыльник, какой только что получил Женька.

Тем же движением, будто в одной школе стариков учили подзатыльники отвешивать. Зрители заметили это и загудели, одобрительно посмеиваясь. Не улыбнулся только Серов.

– Сопрано, – произнес он с грустью. – Настоящее сопрано!

Что такое сопрано, Женька не знал, но спрашивать не стал – какая разница? Прочитанную худым, как скелет, бородачом в балахоне проповедь он прослушал вполуха: все пытался рассмотреть девушку, но кроме тонкого носа с горбинкой, из-под капюшона не было видно ничего…

После ужина состоявшего из местных немилосердно отдающих плесенью грибов парень прошелся по платформе, прикидывая в уме, сколько у них с Дедом патронов. Дошел до алтаря, больше похожего на гигантский сгусток воска, натекшего от годами горящих тут свечей. Сгусток громоздился на ступеньках, которые никуда не вели. Женя некоторое время рассматривал разводы копоти, как, бывало, часами разглядывал выбоины на своей Стене… Но фантазия дремала.

Беговая – станция мелкого залегания, такая же, как и «1905 года». Людей здесь тоже было немного, значительно меньше, чем на прилегающих к богатому «Кольцу» станциях.

Запах нефтепродуктов пропитал все насквозь и был неистребим даже в столовой. Беговая кормилась продажей найденного на поверхности топлива, которым не желала делиться с другими станциями Конфедерации – Улицей 1905 года и Баррикадной.

Такое вопиющее отсутствие солидарности осложняло отношения между союзниками. Но почему именно здесь поселилась секта в балахонах? Женя вспомнил проповедь противного бородача. Мол, ничего страшного, что жители Беговой стали изгоями, зато бог отметил их удачей и богатством, они –

избранные и должны быть благодарны. А наветы завистников в этом мире – суета сует. А что? И не то еще скажешь, когда надоест прозябать в поезде в одном из туннелей на юге Москвы, в смраде, голоде и тесноте! Не удивительно, что святоши начали перебираться сюда, ближе к жратве и исправной вентиляции.

Серов сидел на ступеньках лестницы, ведущей в заваленный подземный переход, и разговаривал с той самой девушкой «сопрано». На сей раз Женя решил подождать. Потолок над лестницей показался ему низковатым. Они встретились с Дедом глазами, и Женька вздрогнул: очень уж грустным был взгляд старика. Он кивнул, продолжая что-то говорить девушке, и парень понял его без слов.

«Ну что, дедушка, – продолжил он безмолвный разговор. – Похоже, наши пути расходятся. Я хочу вернуться. Там из меня сделают сталкера. И патроны будут платить. И наверх я хочу ходить. И твоего доброго подполковника хочу раскопать… с его добром.

«Я все понимаю, – словно бы отвечал Максимыч. – Тебе теперь неинтересно со мной. Я ждал, что однажды ты так скажешь. Так всегда и случается: дети вырастают».

Женя видел, что старик улыбается, но не мог понять, ему или не ему: теперь Дед повернулся к собеседнице. Девушка тоже улыбнулась, кивнула Серову и заторопилась уходить.

Парень подошел к Деду с тяжелым сердцем, но Максимыч не стал говорить о трудном.

– Эх, Женька, Женечка! – мечтательно произнес он, сладко улыбнувшись. – Эх, и сон мне сегодня приснился! Будто лежу я в большой белой палате, войны нет никакой, а есть солнце за окошком, зелень, озеро, но никак я не могу до них дотянуться, и сил никаких у меня нет. Кровать высокая, с бортиками, чтоб не свалился во сне, белье белое, чистотой вокруг пахнет. И ты, мил человек, ругаешь меня за что-то. А мне непонятно, за что, и счастливый я страшно!

Бросив мешок в углу каморки бабы Юли – самой ее не было видно. – Женька пошел к Богдану. Тот встретил его без упреков, но и без излишней радости: кивнул на место в строю и гонял нещадно всю тренировку. Когда закончили, Женька обливался потом и потирал разбитым кулаком вспухшую скулу, но чувствовал себя отлично: он явно был в форме.

– Завтра в рейд, – бросил Богдан на прощание.

Женька заранее вдохнул из заветного пузырька и, счастливый, побежал в душ, для разнообразия холодный – не каждый же день «банный».

Перед выходом на поверхность полагалось продемонстрировать Богдану чистоту оружия. Старший шел мимо сидящих на корточках в ряд сталкеров, хмуря для порядка тонкие брови, одобрительно кивая подчиненным. Неподалеку крутилась баба Юля, нагруженная метеорологическими приборами.

– Ничего не будет, поймите вы! – верещала она. – Через сто лет над нами нарастет километр льда. Не будет в будущем метро!

– Эко бабушка замахнулась, ты собираешься жить вечно? – попробовал успокоить ее крайний справа кудрявый добряк, но старушка не унималась.

– Ледяная шапка Гренландии сползла в Атлантику, и Гольфстрим больше не греет Европу! – выкрикнула она и тяжело закашлялась, прохрипела: – Уходить нужно…

Никто не слушал безумную старуху, ее просто бережно отодвинули в сторонку и пошли одеваться.

Баба Юля дождалась уже облаченных в ОЗК сталкеров на платформе. Безошибочно угадав Женю, сунула ему в руки приборы.

Рейд был обычным. Сталкеры Улицы 1905 года не доверяли новичку, не хотели раскрывать ему тайное место, хранилище ниток. Они держали Женьку в арьергарде, а он и не возражал, «нес службу», где поставили. Постоянно менявший свое местоположение в группе Богдан одобрительно кивал. Опасности не было, и парню разрешили расставить бабкины приборы.

Он глянул, как легкие блестящие чашечки послушно завертелись, поймав ветер, пожал плечами под ОЗК и записал огрызком карандаша цифры с датчика. Заметил внимательный взгляд Богдана. Вот тогда Женька и придумал свой хитроумный план.

Вернувшись под землю, переодевшись и вымывшись, он задержался возле Богдана и, как бы невзначай, завел разговор.

– А чего бабу Юлю никто не хочет слушать?

Сталкер пожал плечами, но отвечать не счел нужным.

– Может, я буду иногда ее железки на поверхность выносить? Один? – Богдан приподнял бровь, и Женька уточнил: – Мне после поверхности в метро легче, приступы реже и не такие сильные. Штырь из твоего пузырька экономить буду. Если выдохнется, где мы его возьмем?

Наставник насторожился.

– На поверхности мы – команда. Один в поле не воин!

– Я не боюсь! И от гермы недалеко!

– Герой-одиночка, значит. Хорошо. Не болтай только лишнего, – бросил Богдан.

Так Женька стал ответственным по метеорологии. Трижды в неделю он самостоятельно выходил на поверхность, якобы для того, чтобы искать возможность перенастроить приборы. На самом деле он и трети отведенного времени на них не тратил, а убегал раскапывать грузовики.

Кроме прочего, он обнаружил, что, если по возвращении с поверхности избегать каморок, то можно жить жизнью обычного человека, без приступов удушья. Хотя бы некоторое время. А в команде Богдана его репутация оставалась невысокой. Какой же это сталкер, если, чуть что, в обморок брякается?

Ковыряние в мерзлой земле, правда, пока не давало никакого результата. Выпавший на днях снег хоть и обрадовал сталкера-новичка неожиданной

белизной, но надежно засыпал раскопки. «Сизифов труд» – Женя вспомнил выражение из книги бабы Юли и сам собой восхитился. Он был слишком упрям, чтобы отказаться от затеи, и однажды упрямство это сыграло ему на руку.

Отпущенное на погодный эксперимент время истекало, когда по городу прокатилось эхо близкой стрельбы. Но выстрелы быстро стихли, и парень продолжил было копать, но вслед за стрельбой раздались крики. Отбросив найденную в разворошенном кузове лопату, он поднялся на холм и замер в нерешительности.

Незнакомые сталкеры бежали по загроможденной ржавыми остовами автомобилей улице. Они не отстреливались и уже не представляли собой сплоченной группы, каждый спасался сам по себе.

Не сразу Женька заметил с нечеловеческой грацией несущихся по гребням развалин выродков. Твари охотились на людей. Сильно припадавший на левую ногу сталкер отставал и должен был стать первой добычей. Видимо, поняв, что убежать не удастся, он развернулся, упал на колено и дал автоматную очередь. Выродки набросились на сталкера с нескольких сторон одновременно и с визгом принялись рвать его зубами и когтями.

Женя упал на живот, сосредоточился и увидел цвет выродков – черно-синий. Их было несколько десятков, добрая половина терзала сталкера. Время от времени то одна, то другая исковерканная мутацией тварь вырывалась из толпы сородичей. Отбегала поодаль, чтобы, урча и чавкая, запихнуть в слюнявый рот кусок теплого еще кровавого мяса.

Над комком грязных тел взметнулась рука в перчатке, сжимающая десантный нож: погибавший сталкер покупал время живым товарищам.

Женька мог остаться на холме незамеченным, но ему это даже в голову не пришло. Он, не колеблясь, аккуратно поднял автомат и почувствовал, как оружие привычно наполняет его уверенностью: только так, сейчас можно было только так. Сейчас он совершал самостоятельный поступок, чуть ли не впервые в жизни выполнял не чью-то, а свою волю… Дед… Сергеич… Богдан… Здесь их нет! Он сам решает, что делать!

– Сейчас я им!

Парень дал короткую очередь по тварям. Потом еще одну.

Выродки бросились врассыпную, их жертва уже не шевелилась, но Женька полоснул на всякий случай по окровавленным останкам: спи спокойно, брат!

Между тем твари оценили обстановку, и Женька почувствовал взгляды, ищущие его среди развалин. Чертов снег! Слишком быстро для безмозглых мутантов выродки прекратили преследование. Теперь они аккуратно, со знанием дела обкладывали Евгения.

Он дал еще пару очередей.

– Сейчас они поймут, что я чистильщик, и уйдут.

Но выродки хладнокровно приблизились еще на несколько шагов, равнодушно пожертвовав несколькими сородичами.

Женя вгляделся внимательнее. Все силуэты телосложением выдавали самцов. Это охотники, среди них нет слабых и больных, которых следовало добить, чтобы не мучились. И, кажется, они не были животными.

Осознав это, парень покрылся холодным липким потом. Он понял, что его сталкерская карьера закончится глупой и бездарной смертью спустя один магазин патронов. Последний.

Доигрался, герой-одиночка! Ему вдруг стало жалко самого себя, учебу, бабкины измерения, раскопки, свою только что обретенную самостоятельность. Он перестал стрелять и оглянулся в поисках путей отхода. Черно-синий цвет выродков был повсюду.

Женя вздохнул, вспомнив, что местные радушно предоставили им с дедом возможность выжить днем на поверхности. Жаль, что в их мире никто не приходит на помощь, но с этим придется смириться. Парень перешел на одиночные и стал стрелять реже.

Он громко считал оставшиеся патроны, пытаясь храбриться, бормоча: «где наша не пропадала», «зато в бою» и все такое же нелепое и нисколько не утешающее,

почерпнутое из героической книги.

Чья-то тень мелькнула наверху, но Женьке некогда было поднять голову. Тут же послышалось несколько взрывов гранат, и выродки отпрянули. На холм приземлился человек, скатился по куче щебня вниз, выматерился и принялся ловко комкать огромный кусок гладкой ткани, которая чуть было не накрыла их обоих.

– Если не я, то кто? – выпалил человек вместо приветствия.

Привычного противогаза на нем не было, зато был респиратор. Карие глаза смотрели на Женю с уважением. Не дожидаясь ответа спаситель скомандовал:

– Сматываемся!

Парень молча побежал за ним.

Загадочная ткань оказалась привязана к рюкзаку незнакомца веревками, ОЗК небесного пришельца тоже выглядел подозрительно непривычно. Оружия у него не было.

Евгений еще не успел ни о чем толком подумать и ничего рассмотреть, как вдруг оказался на берегу реки. Незнакомец, не снижая скорости, мчался по набережной, ловко лавируя среди остовов машин. Поскользнуться он не боялся.

Не требовалось оглядываться, чтобы почувствовать возобновившееся преследование: не стесненные одеждой выродки двигались гораздо быстрее людей.

– Сюда! – летун юркнул в подъезд, проигнорировав несколько распахнутых дверей, и Женя решил, что маршрут его спасителю знаком.

Тот гулко загремел сапогами по лестнице, открыл люк и выбрался на крышу, нетерпеливо притопывая в ожидании Женьки.

– Автомат за спину! Хватай меня за пояс!

Парень подчинился до того, как понял, что мужик собирается прыгнуть, но возражать было поздно.

Спаситель прыгнул, широко расставив руки и ноги. Женя увидел под собой приближающуюся серую рябь воды. Над головой раздался хлопок. Планирующий с добавочным весом летун сумел набрать высоту – немного, метра полтора. Этого оказалось достаточно, чтобы они бухнулись на покореженную металлическую конструкцию метромоста.

Мужик обессиленно стоял на четвереньках и пытался отдышаться. Женя пришел в себя первым, огляделся и рефлекторно дернулся: на него смотрели два больших мутных глаза. Хорошо хоть, пасти у чудовища не было.

– Кха! Кхра… – мужик пытался смеяться, но воздуха ему пока не хватало. – Ты что, парень? Это же поезд! Не видел никогда?

Женя осторожно коснулся рукой поезда.

– Не видел… и правда. Так он же… – сталкер возмутился собственной неспособностью завершить фразу. – Целый! Совершенно целый!

Поезд был покрыт грязью прошедших десятилетий и пометом бесчисленных тварей, но никаких внешних повреждений на нем не было. Даже стекла практически везде оставались целыми, грязные и покрытые узорами инея.

«Хорошо, что не видно тех, кто остался внутри», – подумал Женя и вспомнил, как в кабине лифта его ноги ударили в трухлявый труп на полу. А вслух спросил:

– И как сталкеры его не растащили?

– А как его растащишь? Посмотри!

Мужик помахал рукой и прокомментировал то, что не мог понять Евгений:

– Там «Смоленка», захваченная стражами. Слыхал об этих тварях? Вот они этим метромостом и пользуются. А поезд им ни к чему, и вичухам тоже не нужен. Вот и стоит, как памятник. Все, погнали дальше! Пока стражи не очухались.

Отдохнувший летун вскочил и ловко забрался на крышу вагона, пробежал по ней и перепрыгнул на соседнюю. Женька последовал его примеру. Так передвигаться оказалось легко и забавно. За спиной вой выродков сменился яростными звуками схватки: похоже, стражи выбрались из своего туннеля.

У другого конца поезда летун нашарил привязанную к опоре моста толстую веревку и скомандовал:

– Делай как я!

Он соскользнул по веревке, принялся раскачиваться, и когда амплитуда позволила, ловко спрыгнул на противоположную набережную. Женя последовал за ним.

Глава 5

Новые знакомые

От сталинской высотки, бывшей когда-то гостиницей «Украина», остались две пропахшие гарью обожженные стены с уцелевшим лестничным пролетом. Именно по этим ступеням несся наверх Женя, едва поспевая за хорошо тренированным летуном.

На самом верху небоскреба громоздилось нечто невообразимое. Темно-зеленая масса напоминала гриб-паразит, покрытый белесыми проплешинами, словно глазами.

Женя выбивался из сил, забираясь по лестнице. «Почему мне так страшно? – думал он. – Второй раз за сегодня страшно». Вниз он не смотрел, значит, боялся не высоты. Усталость мешала соображать, и только у самого лаза внутрь гриба до парня дошло, в чем дело. Его дозиметр, стрекотавший все сильнее и громче, перешел на визг, заглушавший свист ветра на этой верхотуре.

– Не останавливайся! – заорал летун, когда Женя собрался достать дозиметр. Пришлось поверить и поднажать. Летун проскользнул в лаз, Евгений не отставал и вдруг оказался на бетонном полу. Дозиметр как обрезало. Тишина навалилась со всех сторон.

– Как это? – парень недоуменно смотрел на дозиметр. – Он что? Сдох?

– Да так вот! Нет, не сдох! – мужик почему-то ответил со злостью и решил, наконец, представиться:

– Меня Давидом зовут.

– Женя…

Давид пожал протянутую руку и кивнул на уходящий вверх ход, по которому кто-то спускался.

Вышедший их встречать опирающийся на две палки древний старик ОЗК не носил и не удивился Жене. Не произнося ни слова, он указал палкой вглубь прохода, тщательно закрыл толстую от утеплителя дверь. Ровным здесь был только пол. Стены и потолок представляли собой слипшиеся гигантские грибные пластинки, какие бывают под шляпкой.

Белые, определил Женя, навидавшийся в своей подземной жизни грибов. Этот поражал размерами. Свет проникал из конца коридора, Женька шел на него, подгоняемый любопытством. Стало тепло. Давид со стариком отстали, тихо переговариваясь.

Белесые проплешины оказались не глазами гриба, а полупрозрачными пленочными образованиями. Они слезились влагой, позволяя проникать сюда начинавшемуся рассвету, но мешали видеть облака.

Видимо благодаря свету снаружи парень не почувствовал приближения приступа, чему несказанно обрадовался, и принялся осматриваться. Его удивили банки и кастрюли, стоявшие под каждым «окном» и, очевидно, собиравшие выделяемую грибом жидкость. Людей, сидевших внутри кольца разномастных письменных столов, видимо, собранных по всему разрушенному городу, Женя

разглядывал недолго. Зато его самого рассматривали с неподдельным интересом, но молча.

Евгений уперся взглядом в парочку, сидевшую на столе в конце комнаты. Холеный, идеально выбритый и тщательно подстриженный седой старик в старомодном, уже забытом жителями метро двубортном пиджаке смотрел на гостя сквозь стекла очков в золотой оправе. Рядом с ним, поджав под себя ноги, сидела сухонькая, так же тщательно причесанная и безупречно одетая старушка.

– Здравствуй, мальчик!

Кто поздоровался с ним, Женька не понял: никак не мог оторвать глаз от странной парочки. В этот момент расступились тучи, и утреннее солнце проникло сквозь плачущие окна-перепонки. Глаза Евгения округлились: он увидел цвета людей.

– Вы… вы… – голос предательски срывался, – вы все – мутанты? И двое из вас вообще не люди!

– Чья бы корова мычала!

Ответ прозвучал добродушно.

– Сейчас все расскажем, ты располагайся. Отдохни, осмотрись тут немного.

Хозяевам же стало не до Женьки. Видимо, солнечный свет как-то повлиял на слезоотделение гриба. Все засуетились, проверяя, не наполнились ли плошки, кто-то даже полез под потолок рассматривать прикрепленные под самыми «окошками» банки.

Парень растерянно озирался среди начавшейся суматохи, пока к нему не подошел мужчина, похожий на Давида. Но этот человек был круглолицый и пошире в плечах.

– Я – Мурат, – представился он, – на все вопросы потом отвечу, а пока иди сюда!

Он жестом указал на окуляры, в которые только что смотрел сам.

Женя послушно приблизил к ним глаза и вздрогнул от непривычно сильного увеличения, но взял себя в руки и содрогнулся теперь от увиденного. Это чудовище он никогда не встречал на поверхности, но легко узнал по картинкам и решил изобразить бывалого:

– Куропат доедает трупы выродков.

Мурат хмыкнул:

– Ты присмотрись, ничего не замечаешь?

Женя покрутил верньеры перископа. Теперь в глаза бросилось яркое желтое пятно. «О! Мой коврик нашелся!» – чуть было не воскликнул он, но сдержался. Коврик тоже принимал участие в трапезе, еды хватало на всех, важно было не это. Тяжеленный куропат не отличался грацией. Своими движениями он сорвал с кучи куда больше обломков, чем Женя за все время раскопок, и обнажил кусок чего-то гладкого и совсем не каменного.

– Ну? Ты не это ищешь?

Парень посмотрел на Мурата, опасаясь увидеть в его взгляде угрозу, и промолчал.

– Мы за тобой давно наблюдаем, – пояснил Мурат.

– Это бабушка одна… – начал врать Женя, – просит. Для измерений. Она метеоролог…

– Не свисти. Про бабушку Юлю не первый год знаем. Копаешь ты что?

– Можно пока не отвечать? Можно, я спрошу? Вы меня выручили не из любопытства?

– Нам понравился твой поступок – человечный. Ладно, идем есть.

Евгений умолк, теперь ему стало интересно, почему он чувствует в Мурате мутанта? Но сколько ни присматривался, ничего не видел. Еще не старый мужчина, совершенно обычный на вид, не пахнет, слюной не капает, и все же для Жени очевидно, что Мурат – мутант, и с Давидом они братья.

Сытно поев, парень отложил миску и ложку, похожие на те, какими пользовался в метро.

– Можно я еще поспрашиваю?

– Ха, сам-то ничего не сказал! Ну валяй!

– Что это за хрень? В которой вы живете? И почему радиации здесь нет?

– Это как будто гриб. Он питается влагой из атмосферы. Вот эти малопрозрачные пленки в как будто окошках, они – мембраны. Как будто, – Мурат хмыкнул. – Слезы, что мы собираем… Как будто слезы… Представляют собой соленую воду. Очень соленую, но уже чистую от радиации. Получается, нашему грибочку нужны для питания какие-то элементы воды, причем радиоактивные, а натриевые соединения не нужны.

Женя замотал головой от большого количества непонятных слов:

– А вам они зачем? Натриевые?

– Дурашка-барашка! Вас там под землей учат хоть чему-то?

– Как будто учат, – парню стало обидно за свою школу.

«Как будто» развеселило собеседника.

– Это соль. «Слезы» – концентрированный соляной раствор. Мы продаем в метро соль. Как ты думаешь, откуда она там у вас берется?

– Понял, – Женя втянул запах соли полной грудью. – А другие такие грибы в Москве растут?

– Конкурентом решил заделаться? Может, и растут. Наверняка растут. Но полых нет. Наш один такой. Здесь ресторан был с панорамными окнами, вот его гриб и обволок. И потом… ваш народ к таким грибам из-за радиации боится приближаться.

– А торговцы к вам как относятся?

– Не брезгуют. Эти ничем не брезгуют. А ты нас как вычислил? Опять не скажешь?

– Не-е-е, – протянул Женя.

Ему стало стыдно за свою скрытность. Его спасли, накормили, про гриб и соль рассказали… Он помялся немного и решился.

– По цвету. Не знаю, почему, но я цвета вижу… Над… У вас всех цвет не такой, как у людей.

– Э-э-э! Да ты точно наш!

– В смысле?

– Да в том самом! Мутант.

Женя опешил.

– Не! Я – человек!

– И это звучит гордо! – съязвил Мурат.

– Хватит парня дразнить, – вмешался в разговор неслышно подошедший Давид. Братья переглянулись.

– Понимаешь, Евгений, – начал Давид, – все не так просто: вот хорошие люди – вот плохие мутанты. Ты, конечно, генетику не изучал.

– Не.

– Мутации разные бывают. Почему в метро мутантов не любят? Боятся их способностей. Ты вот свой дар скрывал, да?

– Не способностей, – Женя оставил вопрос без ответа. – Уродов боятся.

Братья одинаково поморщились.

– Уродов убивают при рождении. Но могут же быть и другие мутации! Без способностей, и не уродство…

– Вы – такие?

– Да, мы именно такие. Мутанты без способностей, но и не уроды. Природа, она словно перебирает человеческие гены, ищет лучший набор.

– А вы?

Ответил Мурат.

– У кого-то перепонки между пальцами, у кого-то хвост, у кого-то количество ребер другое, кто-то пахнет, потеет какой-то химической гадостью непонятного состава…

– Нет, вы?

– Ты о нас с братом? – уточнил Давид.

– Ага.

– У нас все тело гладкое, без волос, но, – братья синхронно показали на лысые макушки друг друга и одновременно прыснули, – на головах растут иголки.

– Мы сами с Киевской, – пояснил Мурат, отсмеявшись. – Мама скрывала, пока могла, потом умерла, и вот мы здесь.

– Зверь такой был до катастрофы, еж назывался, – добавил Давид и с яростью почесал впалые щеки, словно там вот-вот должны были вырасти иголки.

– Опасный?

– Не-а, маленький, ночной, мышами питался.

Беседа явно веселила братьев.

– Кличка у нас такая, «братья Ежидзе». А у тебя какая кликуха?

– Никакой, – буркнул Женя и насупился.

– А подумавши? – Мурат откровенно подначивал.

– Отстань от парня, – заступился Давид.

– Ты понял, дурашка-барашка, почему мы тебе все рассказываем и показываем и не боимся, что ты о нас в метро растрезвонишь?

– Убьете, что ли?

– А зачем тогда спасали? Думай!

Братья пристально смотрели в глаза Жене.

– Ладно. Понял.

– Что понял? – Мурат не унимался.

– Не выдам я вас, хорошо.

– Почему? Наконец, понял, что ты – один из нас?

Вот же липучки!

– Да, – почти выкрикнул парень.

– Вот и будем хранить секреты друг друга, – успокоил его Давид, похлопав по плечу. – Пошли спать, вечером мы тебя нашим главным представим, а потом к своим пойдешь.

– Как? Вы тут не главные? – Женя уже устал от беседы, но возможности подначить братьев в ответ не упустил.

– Веришь, совсем не главные, – принял игру Мурат. – Жека, мне нравится тренировать твою смекалку. Угадай, кто здесь главный?

Евгений и раздумывать не стал.

– Странные старик со старухой!

– Бинго! А чем они странные?

– Одеты странно.

– И не только! Они – шведы, инженеры компании «Эрикссон». Когда рвануло, были в Москве, в отпуске. Это они нашли гриб, когда стало невмоготу жить под землей. Они же и собрали с разных станций изгоев, которых за малым не прикончили. Старушку зовут Эрика, она нам всем, как мать. И здесь главная.

– А мне старик показался главнее, – удивился Женя.

– Ты молодой ишо. «Главнее» не тот, кто сильнее и умнее, а тот, кто не боится принимать ответственные решения. Старика зовут Свен, и он – гениальный инженер. Но возглавлять общину, строить отношения с метро и торговцами – это не с железками возиться! – Мурат помолчал немного и продолжил с почтением в голосе: – Авторитет Эрики незыблем. Если что – с ней придется договариваться…

– Давай, ты не пойдешь сейчас один, а выдвинешься ближе к утру с нашим караваном? – спросил Давид, разбудив Женю.

– Хорошо.

– Оденься, наружу пойдем.

– А почему эти шведы нарядные такие? – вожди общины мутантов не давали парню покоя.

– Так они показывают, что презирают жителей современной Москвы за свинство и скотство. Для того и одеваются так, как одевались до Катаклизма, специально, чтобы ничем не быть похожими на подземных.

Женя с сомнением покачал головой: так ли уж хорошо выражать презрение к людям, вынужденным постоянно бороться за выживание? Но Давид, похоже, оседлал любимого конька.

– Часто у вас под землей бреются? Свен – каждый день, и зарядку делает.

– Сталкеры у нас тоже все время спортом занимаются.

– Пока молодые! Ты представляешь, сколько нашим шведам лет?

Женя промолчал.

– И нас они в свою общину собрали вопреки правилам Метро. Между собой говорят на шведском. С нами дистанцию держат. Кое-кто переживает по этому поводу. Мурат из кожи вон лезет, чтобы они его приблизили.

– Они ж наверняка богатые? Раз всю торговлю солью держат.

– Очень!

– Тогда ради чего все это? Если метро они презирают?

– Правильные вопросы задаешь, товари-щ-щ.

Оба закончили одеваться и натянули респираторы.

Прошли в соседнее помещение, где было довольно сильно натоплено. Видимо, жар исходил от сложной конструкции из трубок, колб и железок.

– Выпариватель, – бросил летун в ответ на не заданный Женей вопрос.

Давид отогнул плечом несколько губчатых перепонок, служивших стенами, и они оказались на узкой бетонной балке, нависшей над ночным городом. Давид, явно не боящийся высоты, спокойно прошел на самый край и огляделся по сторонам, вернулся назад. Женя боялся оторвать глаза от балки под ногами.

– Вот, смотри, – прогундосил Давид в респиратор.

Женя робко повернул голову вправо и на некотором отдалении увидел еще одну балку, на которой громоздился большой круглый и обмякший предмет, напоминающий сам гриб, но без «окошек».

– Что это? – спросил парень, когда они снова оказались внутри и он вновь обрел способность спрашивать.

– Дирижабль. Откуда, по-твоему, я к тебе спрыгнул?

– Ничего себе!

– Мы его на веревке выпускаем, когда надо торговцев с воздуха прикрыть, а потом назад утягиваем.

– А заполняете чем?

– Когда соль парим, вырабатывается очень легкий летучий газ. Название все время забываю, у Мурата спросишь.

– Круто придумали.

– Эрика хочет лететь домой, в Швецию. На дирижабле. Свен говорит, Швеция была нейтральной, и ее не обстреливали ракетами.

Летун помолчал.

– Они уверены, что их родина уцелела, – продолжил Давид. – И все, что получают, вкладывают в дирижабль. Патроны к пулемету, консервы, материал для починки.

Завтрак был скудный – перед будущим полетом никто не озаботился излишествами.

– А Швеция, она где? – спросил Женя, доедая.

– В Караганде, – Мурат явно хотел подразнить молодого сталкера. – Ты географию хоть немного учил?

«Назовет меня дурашкой-барашкой – стукну», – решил парень, но ответил:

– Немного. Знаю, где Греция. Сильно на юго-западе.

– А Швеция сильно на северо-западе, между Гренландией и Кореей. – Мурат захохотал.

Гренландия… Женя принялся вспоминать, где и когда он слышал это слово, но так и не вспомнил, вместо этого спросил:

– А почему они раньше не улетели? Что их тут держит? Явно не дефицит патронов.

– Наши инженеры бьются и не могут решить одну задачку. Дирижабль – он почти как воздушный шар. Движок совсем слабый, и его ветром сносит. Швеция – на северо-западе, а у нас здесь преобладают именно северо-западные ветра. То есть, оттуда, а не туда. Они учат дирижабль летать против ветра. Пока у них получается хреново. Если мотором пользоваться, никакого топлива не хватит. Проще самолет собрать. Сейчас они экспериментировали с парусами, их можно подобрать так, чтобы против ветра лететь. Но объем баллона не позволяет. Они злятся. В прошлый раз сделали небольшой круг, от вичух еле отбились, патронов извели море.

– Гнерландия… почему ты ее упомянул?

– Гренландия – это остров еще дальше Швеции, на северо-западе.

– Ее, кстати, тоже вряд ли бомбили, – сказал Давид. – Там лед один, что там бомбить?

Женя подскочил на месте. Он вспомнил обо всем, и сразу несколько мыслей взметнулись в его мозгу.

– Мне… Это… Есть что сказать вашим главным…

– Думаешь, они так и захотят с ним говорить? – спросил Давид у Мурата.

– Почему бы нет?

Главные захотели. Через час Женя, как школьник, стоял перед Свеном, облаченным в новый клетчатый пиджак и белоснежную рубашку немыслимой чистоты. Швед молча выслушал пожелание гостя рассказать что-то важное, кивнул и показал на перегородку, за которой ждала Эрика. Сегодня она была необыкновенно красива. Женя никогда раньше не видел косметики, и сейчас лицо Эрики казалось ему безупречным. У Жени перехватило дыхание, он забыл, зачем пришел. Эрика понимающе, мило улыбнулась ему и величавым жестом руки дала знак говорить.

Сталкер сбивчиво рассказал о бабушке Юле, о ее исследовании климата и о грядущем обледенении планеты.

Старики внимательно выслушали его и принялись спорить между собой на шведском. Плечи Эрики поникли, а глаза Свена выглядели потухшими. Он вывел Женю назад, к братьям Ежидзе, и сказал:

– Мы принять решение. Если ты хотеть, остаться в здесь община. Велкам. Давай. Мы примать тебя.

Парень задумался. Но не о себе. Деду бы тут понравилось?

– Спасибо, я должен подумать.

Швед пожал плечами. Он по-прежнему был очень грустный.

Женя спускался вниз, скача стрекозлом по ступенькам и вызывая неудовольствие двух мрачных, одетых торговцами мужиков из грибной общины. Те тащили тяжеленные рюкзаки.

«Интересно, у кого из них хвост, а у кого перепонки?» – брезгливо подумал парень.

До спуска с метромоста никто из животных не беспокоил маленький караван. Дирижабль грозно темнел в сером небе. Ствол его пулемета лишь описывал полудуги, но молчал. Позже всякие-разные твари несколько раз попробовали напасть на караван, но, получив в зубы пару очередей, прекратили атаки. Жене было приятно думать, что хищники отставали, почуяв его.

Недалеко от станции Улица 1905 года торговцы засуетились: на пути стоял неподвижно длинный стигмат. Обычно опасный хищник, сейчас монстр не излучал никакой угрозы. Евгений некоторое время рассматривал мох и плесень, сплошь покрывавшие тело чудовища, опущенные морщинистые веки. «Жертва, – догадался он. – Просто старый, меня ждет». Не обращая внимания на окрики торговцев, Женя подошел к твари вплотную, переставил флажок автомата на одиночный выстрел и всадил пулю в переносицу зверя.

Группа двинулась дальше тем же порядком, но теперь, даже через окуляры противогазов, парень чувствовал уважительные взгляды. Он уже придумал историю, как торговцы спасли его от выродков.

Только Деду решил рассказать про общину «солянщиков» на высотке, тот болтать не станет.

Встретили Женю, как ни в чем не бывало, словно он вернулся из обычной вылазки с приборами. Сталкера поопытнее такое равнодушие насторожило бы, а парень подвоха не заподозрил. Он выпрыгнул из ОЗК после дезактивации и вдруг почувствовал себя в воздухе. Кто-то очень сильный приподнял его над

полом и прижал его руки к бокам. Женя задергался, но освободиться не смог. Военный в форме Ганзы ощупал его карманы, повертел в руках пузырек и сказал:

– Он чист, в кабинет его!

В каморке начальника станции – самого его нигде не было видно – Евгений сумел разглядеть того, кто держал его. Таких великанов в метро он еще не видел.

– Моя фамилия Лагутин, я – следователь, – представился человек за столом. Холеное лицо чуть портили скулы, выпиравшие, словно мозоли, да и морщины пересекали лоб не как у всех людей, а вертикально.

– Я ничего не сделал! – запротестовал Женя и немедленно получил затрещину от великана.

– Говорить, только когда тебя спрашивают, понял?

– Да.

Затрещина отодвинула неизбежный приступ.

– Сейчас я тебе покажу несколько картинок, – Лагутин выложил на стол стопку бумажек. – Узнаешь кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

КУНГ – аббревиатура, обозначающая кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита или Кузов УНифицированный Герметизированный.

Купить: https://tellnovel.com/lis-ev_andrey/metro-2033-zima-miloserdiya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити